

К. У. ГОРТНЕР

ВЕЛИКИЕ
ЖЕНЩИНЫ
В ИСТОРИИ

ВЕЛИКАЯ АКТРИСА

РОМАН О САРЕ БЕРНАР

Прекрасно написанный и точный
до мельчайших деталей роман.
Признание в любви к великой актрисе.

Kirkus Reviews

Кристофер Уильям Гортнер

Великая актриса.

Роман о Саре Бернар

Серия «Великие женщины в истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63846773

К. У. Гортнер. Великая актриса. Роман о Саре Бернар: ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2021

ISBN 978-5-389-19181-5

Аннотация

Великая Сара Бернар родилась в семье куртизанки, но образование получила в пансионе при монастыре. Вернувшись в Париж, девушка сталкивается с настоятельными уговорами матери заняться семейным ремеслом – стать куртизанкой. Чтобы избежать этой участи, Сара пытается сделать карьеру на сцене «Комеди Франсез», но ее необычный для своего времени стиль игры приводит к скандальному увольнению. Лишившись работы, девятнадцатилетняя Сара вынуждена подчиниться воле матери. Однако все внезапно меняется, когда Сара обнаруживает, что беременна. Она решает оставить ребенка и оказывается без гроша в кармане. После безуспешных поисков работы Сара неожиданно получает приглашение в театр «Одеон», где завоевывает сердца зрителей своей игрой в новаторских постановках.

Последующее возвращение в «Комеди Франсез» открывает новую страницу в жизни Сары Бернар. Устаревшие нормы актерской игры, принятые в этом театре, заставляют ее активно искать собственный независимый путь. И наперекор всему она становится известной актрисой, получившей признание не только во Франции, но и во всем мире.

Роман «Великая актриса» – захватывающий рассказ о женщине, чей непревзойденный талант и бунтарский дух вписали ее в историю театра как Божественную Сару.

Впервые на русском языке!

Содержание

Акт I. 1853–1859 годы. Нежеланное дитя	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	42
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	70
Глава 8	81
Глава 9	94
Глава 10	106
Глава 11	114
Акт II. 1860–1862 годы. Инженю	128
Глава 1	128
Глава 2	144
Глава 3	150
Акт III. 1862–1864 годы. Пощечина	155
Глава 1	155
Конец ознакомительного фрагмента.	159

К. У. Гортнер

Великая актриса.

Роман о Саре Бернар

C. W. Gortner

The First Actress

© 2020 by C. W. Gortner

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Памяти моей любимой тети Меме

Легенда всегда берет верх над историей.
Сара Бернар

Акт I. 1853–1859 годы.

Нежеланное дитя

*...Почти всегда в маленькой девочке видна
будущая женщина и опасность, которую она несет.
Александр Дюма*

Глава 1

Если великий талант может вырасти из невзгод, то мой, похоже, отлит в котле моего детства.

Мне было восемь. В окружающем мире преобладали зеленая и серая краски: зеленые, трепещущие на ветру перелески и серые груды древних камней, овеваемых порывами ветра, гонимого с моря на поля Бретани. Главными звуками были бречание овечьих колокольчиков да хлопанье несущек в курятниках у дома, где я жила, – небольшого коттеджа с соломенной крышей и увитой виноградными лозами террасой. Сельская жизнь, размеченная восходами и закатами; рутинная работа крестьян от утренних сумерек до вечерних; влажная марля, которой накрывали свежий овечий сыр, чтобы не сох; тепло вынутого из печи хлеба с хрустящей корочкой и резкий запах дикого лука, смятого моими босыми ступнями.

Так было до того дня, когда вернулась моя мать.

– Сара? Сара, где ты?

Этот вечно недовольный голос донесся до меня через весь огород. Я сидела на суку старой смоковницы среди пустых беличьих дупел. На травке внизу нежился мой пес Питу, высунув язык и часто дыша от летней жары. Женщина, похоже, не замечала его, хотя каждый, кто меня знал, мог определить мое местонахождение по наличию собаки, ведь Питу был моей верной тенью.

Приглядевшись, я увидела на террасе ее силуэт, напоминавший фигурки на дальнем плане картины, – рука в белой перчатке приставлена к бровям. Вновь позвавший меня голос был пронизан нетерпением:

– Сара, где ты прячешься? Я не собираюсь тратить целый день на поиски. Выходи сейчас же!

Я знала, кто она, хотя прошло уже столько времени, что могла бы и забыть. Когда я увидела, как к дому подкатил знакомый экипаж, меня пробила злая дрожь, и я кинулась через задние двери к этому дереву, моему тайному убежищу. Последний раз она приезжала года три назад. Как и сейчас, явилась без предупреждения, привезла шоколадные конфеты и всякие безделушки. Маленькая пухленькая незнакомка с прозрачными голубыми глазами, в пышной юбке с оборками и украшенной шелковыми цветами шляпе, которая из-за огромных полей напоминала блюдо. В тот раз она успела лишь понюхать воздух и отдать распоряжения, после чего сразу исчезла – вернулась туда, откуда приехала. Вид ее спу-

стя столько лет возбудил во мне не одну лишь злость. Да, я не хотела признавать эту женщину, но она вернулась, и мое сердце болезненно сжималось. Все-таки она не забыла меня.

Питу вяло поднялся и вильнул хвостом. Мое имя, произнесенное раздраженным голосом, встревожило его. Боясь, что пес меня выдаст, я жестом приказала ему сесть. Питу уныло опустился на задние лапы, а я снова посмотрела в сторону дома.

Из пристроенной к нему кухни, вытирая о передник испачканные мукой руки, вышла няня Юбер. Я увидела, как моя мать в нетерпении обернулась к ней. Няня указала прямо на мое дерево и хрипло прокричала по-бретонски:

– Ромашка! Иди скорее, поздоровайся с мамой.

Очень сердитая, я начала сползать с ветки и зацепилась подолом платья за сучок. Ткань затрещала. Думая о том, что теперь няне придется заняться починкой и она, как всегда, будет ругать меня, повторяя набившую оскомину присказку, мол, платья не растут на деревьях вместо листьев, я спрыгнула на землю и, совершенно несчастная, потопала к террасе. Питу вился у моих ног.

Пока я приближалась, мать придирчиво изучала меня.

Няня хмурилась. Она не была злой, даже любила меня, как могла и когда у нее хватало на это времени. Только вот времени катастрофически не хватало. Ее муж умер, и ей приходилось одной следить за мной, козами, курами и огородом. Сегодня утром она дала мне голубую ленту для волос. «Го-

лубой так идет к твоей белой коже и рыжим кудряшкам», – сказала няня, сопроводив свои слова улыбкой, а это случилось нечасто. Я запоздало принялась искать ленту и обнаружила, что она кое-как болтается в растрепавшейся косе. По крайней мере, я не оставила ее на дереве вместе с башмаками.

Встретившись с оценивающим взглядом матери, я почувствовала себя грязной, как подошвы моих ступней. Она же была... чиста. Безупречна. Как статуя Мадонны в городской церкви, с той же мраморной бледностью. Не хватало только полупрозрачной слезы на щеке, похожей на каплю застывшей смолы.

– Ну! – воскликнула няня. – Что мы скажем мадемуазель Бернар?

– Добрый день, мадемуазель, – буркнула я.

Мать улыбнулась. Или мне показалось? Трудно было определить. Ее розовые губы, похожие на бутон розы, вздрогнули, но зубы между ними не блеснули. И все же я была уверена, что они так же совершенны, как и вся эта дама. Не то что няня Юбер. Та вечно жаловалась на свои гнилые коренные, говорила, что ей кусок хлеба откусить и то больно.

– Девочка меня не узнает. – По гладкому лбу матери пошли волны. – И какая худая. Ей нездоровилось?

– За всю жизнь она и дня не проболела, – фыркнула няня. – Мадемуазель Бернар, я была ее кормилицей и могу сказать, что девочка сосала грудь, будто голодный зверек. Я де-

лала то, что вы просили. Она худенькая, да, но ест больше мула.

– И очевидно, моется так же часто, – проворчала моя мать.

Няня пожала плечами:

– Дети быстро пачкаются. Зачем тратить воду? Она купается раз в неделю.

– Я вижу. – Мать смотрела на меня как будто в нерешительности. – Она хотя бы немного говорит по-французски?

– Когда ей взбредет это в голову. У нас тут, как вы понимаете, нечасто можно найти ему применение. Коровам все равно, как их доят – по-французски или по-бретонски. – Состроив гримасу, няня обратилась ко мне: – Скажи своей маме что-нибудь по-французски.

Я ничего не хотела говорить незнакомке ни на французском, ни на любом другом языке. Почему я должна исполнять капризы этой женщины, когда меньше чем через час она отправится восвояси? Однако няня сурово сдвинула брови, и я вдруг забормотала:

– Pitou est ma chien¹.

– Видите? – Няня уперла кулаки в свои широкие бедра. – Она не глупа. Просто упряма. Таким девочкам нужна твердая рука.

Няня устало потащилась обратно в дом, а моя мать сказала:

– Правильно говорить «мой пес». – Она вздохнула. – Ве-

¹ Питу – моя пес (фр.). – Здесь и далее примеч. перев.

роятно, время пока не подходящее. Я сейчас так занята... Могу предложить вам больше, чтобы вы поддержали ее у себя еще год...

Няня замерла на месте, оглянувшись с хорошо знакомой мне решимостью:

– А для меня время как раз что надо. Я старею. Буду продавать дом и перееду в город к сыну. Вы заберете девочку сегодня, как мы и договаривались. Сумка уже собрана.

Я стояла, не шевелясь и держа руку на рваных ушах Питу, слушала слова няни Юбер и не могла поверить. После стольких лет моя мать явилась, чтобы забрать меня?! Не успев подумать хорошенько, я выпалила:

– Но я не могу уехать! А что будет с Питу?

Собака заскулила. Мать взглянула на меня своими голубыми глазами:

– Твой Питу? Не думаешь ли ты, что я возьму в Париж и твою шавку?

В Париж?

Сердце у меня застучало.

– Но я... я не могу оставить его!

Мой лепет мать не услышала, она уже снова повернулась к няне.

На лице моей кормилицы отображалось болезненное напряжение, пока она внимала приглушенному голосу матери. Потом няня покачала головой, и я разобрала ее слова:

– Нет. Это невозможно. В доме моего сына нет места для

нее. Или вы заберете девочку с собой сегодня, или она отправится в приют. Я больше за нее не в ответе.

Глаза мои вдруг защищало от слез. По горлу стремительно поднимался плач, но тут няня посмотрела на меня и тихо сказала:

– Ромашка, ты должна поехать со своей маман. Я позабочусь, чтобы Питу нашел себе новый дом, не беспокойся. А теперь умойся и возьми свою сумку. Мадемуазель Бернар ждет, а путь до Парижа неблизкий.

Я не могла сдвинуться с места. Мой дом был здесь – вот этот коттедж, пропахший чесночной похлебкой, с узкими темными комнатами, моей няней и моим Питу. Зачем мне ехать в Париж и жить там с этой расфуфыренной чужой женщиной, которую я совсем не знала?

– Нет! – заявила я и, когда няня потемнела лицом, добавила: – Я не поеду.

Кормилица угрожающе протянула вперед руку:

– Мне принести прут?

Тонкая ветка боярышника, от которой вспухала кожа на ягодицах, была одной из немногих вещей, вселявших в меня страх. Няня использовала ее всего раз, когда я, замечтавшись, протопала вместе с Питу по ее грядке с кориандром. После знакомства с этой розгой я не могла сидеть целую неделю.

– Иди сейчас же! – приказала няня. – Умойся и возьми свои вещи.

Мать отступила в сторону, когда я штормовым ветром пронеслась мимо нее в дом вместе с Питу. В своей маленькой комнате с узкой постелью и покосившимся столиком я нашла полотняную сумку, куда были уложены мой небогатый гардероб и тряпичная кукла, давно уже мной заброшенная. Мое единственное красивое платье няня оставила на кровати. Я надевала его только по воскресеньям, когда мы ходили на мессу в город. Сейчас, глядя на него, я замерла. Не поеду! Как же я оставлю моего Питу! Я сбегу, возьму его и эту сумку...

Резкий свист няни с террасы заставил пса кинуться к ней. Я вскрикнула и бросилась за ним, но в дверях мне преградила путь мать.

– Не забудь умыться, – сказала она. – Я здесь больше ни на минуту не останусь.

– Маман, прошу вас. – Я боролась с приступом паники. – Питу. Я не могу бросить его здесь, если няня продает дом и...

Мать подняла руку, заставляя меня умолкнуть:

– Делай, что тебе велено.

Питу отчаянно залаял, как только я вошла в экипаж. Отодвинув занавеску на окошке в дверце, я уставилась на дом, ошеломленная наплывом чувств. Няня Юбер стояла на пороге и держала мою собаку за шкуру. Пес пытался вырваться, чтобы последовать за мной. У меня брызнули слезы. Эки-

паж двинулся; резкий щелчок хлыста возницы над спинами лошадей прострелил мне уши.

Через несколько минут коттедж остался позади, и экипаж тряско покатился по грунтовой дороге. Мать сидела напротив и молчала. Она не произносила ни слова так долго, что слезы высохли у меня на щеках. Чем дольше она молчала, тем сильнее я съеживалась под ее неодобрительным взглядом. Наконец мать заговорила:

– Я не привыкла, чтобы под ногами болтался ребенок. Я очень занятая женщина, и у меня нет ни времени, ни терпения на всякие выходки. Ты должна уважать мои дела. Понятно? Всегда. Если не будешь слушаться, я найду, куда тебя пристроить.

– Да, мама, – прошептала я.

В горле стоял ком. Я была слишком напугана, чтобы проявлять непослушание. Упоминание о приюте уже прозвучало. Я не сомневалась, что эта женщина вполне способна меня туда отправить.

– И не называй меня мама на людях, – добавила она, брезгливо отряхивая платье рукой в перчатке. – Друзья зовут меня Жюли. Можешь обращаться ко мне по имени или мадемуазель Жюли, если тебе так больше нравится.

– Да, мадемуазель Жюли.

Она одарила меня ледяной улыбкой, вновь окинув с головы до ног колким взглядом. Я с трудом вошла в свою единственную пару приличных туфель, маленькую пелерину и

капор. Все эти вещи мать привезла в прошлый раз, и теперь они явно были мне маловаты. Туфли давили на пальцы. Я подергивала ступнями – так хотелось скинуть обувь – и размышляла, нельзя ли как-нибудь выскочить из экипажа и вернуться в коттедж. Однако, даже представляя себе изумление матери, я понимала, что она поймает меня и станет только хуже.

– Перестань ёрзать! – Достав из сумки веер, Жюли принялась обмахиваться. – Просто не верится, неужели эта крестьянка ничему тебя не научила? У тебя манеры дикарки. – Она немного помолчала. – Полагаю, ни читать, ни писать ты не умеешь?

– Нет, мадемуазель Жюли. – Я была крайне несчастна.

Эта женщина не только увезла меня из дома и вынудила бросить собаку, она к тому же не испытывала ко мне ни капли симпатии. Ее желание иметь меня рядом с собой не превышало моего желания жить с ней.

– Тогда, полагаю, придется нам заняться еще и этим. – Она вздохнула, а затем, глядя в окно, задумчиво произнесла, будто рассуждала сама с собой: – Безграмотная. Лишенная каких-либо навыков общения, которые сделали бы ее привлекательной. Смею сказать, никто не поверит, что это моя дочь.

Через три дня мы прибыли в Париж. Всю дорогу, как только мать отворачивалась, я плакала, уткнувшись носом в ру-

кав. И когда добрались до города, слез уже не осталось, а я была уверена, что счастья мне больше не видеть.

Париж ошеломил – столько шума от грохочущих экипажей и кричащих людей. В то же время город показался мне бесцветным – сплошная серость, бесчинство дымного неба и вымощенных камнем улиц. Он пах сырым бельем и навозом и походил на старого дракона, по длинным когтям которого лениво течет река. Вспомнив зеленые леса и поля Бретани, где у меня были укромные уголки, я едва вновь не расплакалась. Увижу ли я когда-нибудь еще свое любимое дерево?

Экипаж остановился, и Жюли объявила:

– Это улица Прованс.

Как будто название улицы что-то для меня значило! Все тело ныло от долгих часов сидения в экипаже, и я была голодна как волк, потому что в последние дни ела гораздо меньше, чем раньше. Покинув карету, мы оказались перед покрытым копотью, высоким и узким зданием, неотличимым от соседних.

Потом из дверей выпорхнула миловидная молодая женщина, поразительно похожая на Жюли:

– Сара, деточка моя!

Незнакомка поцеловала меня в щеки, от нее сильно пахнуло розовым маслом, так что я даже закашлялась. У нее были яркие глаза, чуть более темные, чем голубые глаза Жюли, и скрученные в узел на затылке золотисто-рыжие волосы. Как у меня. Наверное, это какая-то родственница, решила я,

а женщина тихо пробормотала:

– О моя девочка. Ты, похоже, не помнишь меня?

За нашими спинами Жюли отдавала приказания вознице, чтобы тот выгружал багаж. Забирать меня она приехала с двумя среднего размера сундуками. И зачем ей столько вещей?

– Розина, не будь дурой, – бросила через плечо Жюли. – Она была младенцем, когда в последний раз видела тебя.

– Да, конечно. Сара, моя дорогая, я тетя Розина. Твоя мама – моя старшая сестра. – Она улыбнулась, взяла мою руку в теплую ладонь и повела в дом, а я закусил губу, чтобы подавить новый приступ слез; хорошего отношения к себе я ни от кого не ждала. – Добро пожаловать в Париж! – провозгласила Розина, и я прильнула к ней.

Может быть, жить здесь окажется не так уж плохо.

Глава 2

Весь следующий год был посвящен учебе.

Розина взялась за меня. Благодаря ей я узнала о своем происхождении.

Моя мать и ее две сестры родились в Нидерландах в еврейской семье, но покинули эту страну, как только достигли подходящего возраста. Старшая из трех девушек, Генриетта, вышла замуж за торговца тканями из Арьежа и обзавелась собственной семьей, а Розина и моя мать некоторое время путешествовали, пока не осели в Париже. Чем они занимались, чтобы заработать на жизнь, осталось для меня загадкой, как и вопрос о нашем духовном наследии. Жюли не следовала никаким предписаниям веры; при входе в дом не висела мезуза, в квартире не было ни одной вещи, напоминавшей о соблюдении ритуалов иудаизма. Так как няня растила меня католичкой, я пришла к выводу, что религиозная принадлежность моей матери не имеет особого значения.

Вскоре Розина взялась за мое образование. Я научилась произносить по буквам свое имя, повторяла алфавит, писала буквы, пока у меня не сводило пальцы и строки не начинали расплываться перед глазами. Я жаждала знаний, с жадностью поглощала их. Слова меня завораживали. А еще они давали доступ в новый мир, где истории о Царевне Лебеди и Принце-Лягушке, о живущих в пещерах ведьмах и

летающих каретах, сделанных из тыквы, облегчали заведенный Жюли строгий порядок, который должны были соблюдать все обитатели квартиры.

День, когда все в моей жизни изменилось, начался как обычно.

Вечер накануне прошел скучно. Жюли развлекала разнообразных приятелей в своем салоне, пока не разошлись все мужчины, кроме одного. С момента приезда сюда я успела привыкнуть к тому, что в нашу квартиру постоянно ходят разные странные господа. Все друзья Жюли были мужчинами. Это стало для меня еще одной загадкой. Иногда мать поручала мне обслуживать этих поклонников, как она их называла. По ее приказу я выходила в определенное время с подносом канапе, с заплетенными в косу непослушными огненно-рыжими волосами и с заискивающей улыбкой на губах. Мужчины окидывали меня беглым взглядом, после чего игнорировали; то и дело кто-нибудь из них похлопывал меня по задку и говорил: «Какая худая девочка. Жюли, ты что, не кормишь ее?» На что моя мать отвечала высоким заливистым смехом и добавляла: «Она ест сколько хочет, но не набирает ни унции. К тому же росла в Бретани, весь этот свежий сельский воздух... а вы что, думали, моя дочь будет толстой, как куропатка, вроде меня?»

Несмотря на смешки мужчин, я улавливала недовольные нотки в ее голосе. Жюли определенно не нравилось, что я худая как щепка, мои ключицы так выпирали, что во впали-

нах могла собраться вода после дождя. Однажды она в раздражении так и сказала, я сама слышала. Тем не менее мать никогда не упускала случая попрекнуть, если я осмеливалась попросить добавки за обедом или за ужином, замечая: мол, я так и не поняла, что еда не выскакивает сама собой из земли и не падает готовой с деревьев.

Поклонники всегда находили Жюли остроумной. Это весьма меня озадачивало. Как они не видят, что она просто притворяется? После обеда, перед тем как соберутся в салоне гости, мать часами торчала перед зеркалом. Горничная всегда помогала ей надеть дорогое платье, будто у нее самой не хватало на это сил. Однако злые упреки, если корсет не был затянут достаточно туго или горничная принесла не тот браслет, показывали, что эта женщина вовсе не так беспомощна, как изображает, и каждый ее шаг продуман до мелочей.

Как только появлялись поклонники, Жюли натягивала слащавую улыбку и старалась уловить малейшее их желание. Подавая канapé, я чувствовала, как буравит спину ее недовольный взгляд. Стоило кому-нибудь из гостей проявить ко мне хоть какой-то интерес, и она тут же отправляла меня с глаз долой, в мою комнату, где я засыпала под ее смех и мужской говор.

Спала Жюли всегда до полудня. Розина кормила меня завтраком, занималась со мной и отправляла гулять во двор, чтобы я не беспокоила мать.

– Сон твоей маман очень важен, – растолковывала Розина. – Ей нужно много отдыхать.

Вот еще одна загадка: мне-то казалось, что она только этим и занимается – сидит с томным видом в спальне или в салоне. Вспышки активности случались у матери лишь тогда, когда она прищипливала к волосам шляпку, чтобы идти за покупками, или вешала на себя украшения перед отъездом на вечер в Оперу.

В то утро я проснулась раньше Розины. Квартира была небольшой, и мы с тетушкой делили комнату. Моя тетя спала крепко, утомленная дневными заботами о хозяйстве. Сквозь приоткрытую дверь я следила, как пожилой джентльмен на цыпочках выходит из спальни Жюли. Он был лыс, но имел очень длинные усы, которые прикрывали его рот, одет в серый фрак с атласными лацканами, на голове – черный цилиндр, в руках – тросточка с серебряным набалдашником, этакий щеголеватый дедушка.

Я не придавала особого значения его тайному уходу. Этого мужчину я видела и раньше. Он посещал салон Жюли с тех пор, как я приехала в Париж. Видимо, ему отдавалось особое предпочтение, потому что он часто оставался ночевать. Меня этот господин практически не удостаивал вниманием, разве что иногда скользнет по мне взглядом. А сейчас, остановившись надеть пальто, он ненароком поднял глаза и увидел меня, глядящую на него. Я еще была не одета. Стояла в дверях в ночной рубашке, с распущенной косой – волосы в

курчавом беспорядке рассыпались по плечам. Тетя напрасно пыталась приручить их с помощью горячих утюгов и спрыскивания настоем бузины.

В светло-карих глазах мужчины блеснул какой-то странный огонек. Он поманил меня пальцем. Я почувствовала, как щеки заливают жаром, когда он прошептал:

– Иди сюда, *ma petite*². Дай-ка я взгляну на тебя.

Почему все эти мужчины наполняют наш дом почти каждый вечер, за исключением воскресного, я не знала. Розина вбила мне в голову, что я не должна задавать по этому поводу никаких вопросов. Никогда. Они близкие друзья моей мамы, и я обязана выказывать к ним уважение.

– Детей должно быть видно, но не слышно, – наставляла меня тетка. – Сара, ты поняла? Жюли не хочет, чтобы ее поклонников отвлекали всякими глупостями.

Обычно я изо всех сил старалась выполнять предписания, однако я даже имени этого господина не знала. Пока я металась в сомнениях, боясь последствий отказа выполнить, по всей видимости, не совсем приличную просьбу, мужчина сделал шаг ко мне.

– *Ma petite*, – повторил он. – Почему ты прячешься? Я хочу только посмотреть на тебя.

Он мог пожаловаться Жюли. Мог обвинить меня в грубости. Осторожно выйдя из-за двери под тихое похрапывание Розины, спавшей на узкой постели у меня за спиной, я роб-

² Малышка (*фр.*).

ко улыбнулась ему, сделала маленький реверанс и одернула мятую сорочку, пытаясь прикрыть узловатые коленки.

Усы зашевелились, когда он улыбнулся, обнажив пожелтевшие зубы.

– О да. Очень мила. Très belle, как и твоя maman. Дитя, подойди ближе. Дай старику Морни поцеловать тебя.

Я вновь замерла. Сначала он сказал, что хочет посмотреть на меня, а теперь собрался поцеловать? Старик протянул ко мне руку, узловатую, крапчатую, как у сказочного тролля, и я оттолкнула ее, прежде чем он успел прикоснуться ко мне. Морни отпрянул, его глаза засверкали.

– Да ты знаешь, кто я? – пророкотал он, и я услышала, как за спиной у меня завозила Розина и, ахнув, вскочила с постели, отбросив одеяло.

Я сердито уставилась на кавалера и ответила:

– Да. Вы особенный друг Жюли. Идите и целуйте ее.

Тетушка бросилась ко мне, взяла меня за плечи и сбивчиво проговорила:

– Месье, пожалуйста, простите ее. Она всего лишь дитя и...

– Дитя? – Он хмуро поглядел на свою руку, на которой, естественно, не осталось никаких видимых следов. – Она бродячая кошка. Жюли нужно что-то сделать с ее коготками.

Наступила пугающая тишина. Потом с противоположного конца увешанного картинами коридора донесся игривый голос моей матери:

– Мой дорогой Морни, я это сделаю. Прошу вас, примите мои извинения за ее непозволительное поведение.

Облаченная в узорчатый голубой китайский шелк, с развевающимися ореолом вокруг головы волосами, Жюли выплыла из спальни и повела к двери своего поклонника, что-то нашептывая ему и поглаживая его по плечу, а тот качал головой и удалился в крайнем раздражении.

Как только за ним закрылась дверь, мать резко обернулась ко мне. Я прижалась к Розине, которая, запинаясь, проговорила:

– Ты не должна винить Сару. Месье герцог вел себя непозволительно. Он хотел поцеловать ее, а она – посмотри на нее – в сорочке. Это не дело.

– Не дело? – эхом отозвалась Жюли; я никогда не видела ее такой; она вся напряглась и схватилась одной рукой изумительной молочной белизны за полу халата, удушая вышитых на нем аистов. – Она оскорбила его. Он может меня бросить, сказать остальным. Как мы тогда будем существовать, а? Как мы выживем, когда они узнают, что я держу эту дикую тварь, это *неудобство* в своем доме?

Тварь. Она считает меня животным. В порыве гнева я вырвалась из рук тети и заявила:

– Если я вам не нужна, тогда я убью себя. И больше никаких неудобств не будет!

Розина вскрикнула, а Жюли остановила на мне взгляд. В голубых глазах матери читалось безразличие, и оно резануло

меня, будто лезвием бритвы прошлись по спине. Ей было все равно. Она не любила меня. Никогда. Я могла умереть, и это ничего для нее не значило.

Перед глазами все закружилось. Я бросилась в салон. Розина догнала меня, схватила за талию, а я отбивалась, опрокинула маленький столик с фарфоровыми фигурками и вазой цветов. Мать вопила, как дикий зверь. Я метнулась к окну и вцепилась в задвижку с намерением выброситься на мощенную булыжником улицу. В голове пронеслось видение: тело в ночной рубашке летит вниз и приземляется, обдавая брызгами все вокруг, на глазах у слуг и кучеров, которые уже идут и едут по своим утренним делам.

Вдруг хаос прорезал отчетливый голос Жюли:

– Сара Генриетта Бернар, хватит!

Пойманная Розиной, я продолжала цепляться за подоконник и следила за приближением матери. Та прошла через занавешенную арку, ступила на ковер в восточном стиле и остановилась посреди салона, потерявшись на фоне показной роскоши, фальшивых римских бюстов, перегруженных деталями живописных пейзажей, набитых конским волосом диванов и канапе с дорогой обивкой, заваленных подушками, в том числе с ароматическими травами и кружевными шальями. Такая маленькая. Она была не больше меня. Как я могла настолько сильно бояться ее?

Но в тот момент она, казалось, доминировала над всем моим миром, халат ее распахнулся, и выступил круглый жи-

вот под ночной сорочкой. Увидев, что я устала на это неожиданное зрелище – мать выглядела толстой, но только в этом специфическом месте, – Жюли сказала:

– Ты позоришь себя. Мало того, ты позоришь меня. Я больше не потерплю этих выходов.

Страх парализовал меня. Приют. Он всегда был тут как тут, сквозил за каждым замечанием, всплывал на поверхность всякий раз, стоило мне чем-нибудь не угодить ей. За спиной у меня раздался голос Розины:

– Жюли, она всего лишь ребенок. Как ей все это понять?

– О, думаю, она понимает гораздо больше, чем показывает, – ответила моя мать.

– Маман... – прошептала я; слово, которое я никогда не употребляла, выскочило из меня от отчаяния. – Простите меня. Обещаю, я больше так не буду.

Жюли фыркнула:

– Совершенно точно, нет. Иди в свою комнату, и чтобы не было слышно ни звука, пока тебя не позовут.

Я бочком прокралась мимо нее, переступая через осколки разбитой вазы. Когда я уходила в свою комнату, Розина начала вполголоса что-то говорить. Жюли оборвала ее:

– Больше не хочу слышать ни слова в ее защиту. Этот дом никогда не был местом для ребенка. Пришло время искать какой-то выход.

– Я не хочу идти. Нет! Вы не заставляйте! – вопила я на всю

улицу, пугая прохожих, пока Розина тащила меня к ожидавшему нас экипажу.

Лошади фыркали и бренчали упряжью, а кучер с изумленным весельем смотрел, как я сопротивляюсь, упираясь пятками в тротуар.

После того как Жюли сообщила, что мне больше не придется бить ее поклонников, а вместо этого предстоит отправиться в некое приличное заведение, где меня научат необходимым манерам, я устроила серию жарких протестов. Целый день отказывалась есть. Не желала мыться и причесываться. Наконец Жюли, щелкнув пальцами, в облаке духов и органзы уехала на один из своих вечеров, а ее горничная затащила меня в ванную и приказала вымыться и привести себя в порядок. Я прикусила язык, когда на следующее утро Жюли вернулась и молча остановилась взглянуть на меня, похлопывая себя веером по талии, которая была так туго затянута, что я подивилась, как эта женщина может дышать? После чего она пожала плечами и ушла в свою комнату, чтобы проспать до вечера. Сложно было поверить, что меня могут снова отослать с вещами в какое-нибудь отдаленное место, где я буду заниматься тем, чем положено заниматься девочкам, впрочем без особого толка.

В назначенное утро Розина заставила меня надеть неудобное платье с подходящей к нему черной шапочкой, закрутила мне волосы в узел, скрепив его лентой, и сообщила, что мы отправляемся в Тюильри посетить зверинец. Она знала,

что мне это понравится, так как, покинув Бретань, я скучала по домашним животным. Едва я увидела ожидавший нас экипаж – такой красивый мы никогда не наняли бы для короткой поездки в Тюильри, – сразу поняла, что тетя врет, и завывала.

Розина и сама была на грани отчаяния:

– Сара, пожалуйста. Это не конец света, а всего лишь пансион. Разве ты не хочешь учиться вместе с другими девочками твоего возраста?

– Нет! – Я попыталась вырваться, не обращая внимания на дам, которые остановились, чтобы одарить меня хмурыми взглядами из-под зонтиков. – Я тебе не верю. Она отсылает меня прочь, как уже делала. Вы с ней бросите меня, как бросили в Бретани.

– Это неправда. – Розина остановилась, запыхавшись от борьбы со мной. – Сара, я никогда не хотела отсылать тебя. Это было не мое решение. – Она попыталась взять в ладони мое лицо, но я отвернулась. – Сара, послушай меня. Это для твоего же блага, пока ты не повзрослеешь. Клянусь своей жизнью!

Мои душевные терзания ослабели от ее проникнутых заботой увещаний. Я любила свою тетю даже больше, чем раньше могла себе представить. И разумеется, моя симпатия к ней намного превосходила то, что я чувствовала по отношению к матери. Розина была добра, заботилась обо мне, пела колыбельные, когда мы, прижавшись друг к другу, лежали

в кровати, водила на прогулки по городу и следила, чтобы я не попадалась под ноги Жюли.

– Тогда помоги мне. – Голос у меня надломился. – Ты уже научила меня читать и писать. Разве ты не можешь научить меня и всему остальному, что мне нужно знать?

– Дитя мое, я не могу, – покачала она головой. – Мы обе должны делать то, что нам велят.

Очередной безнадежный плач когтями раздирал горло. Усилием воли я подавила его. Выхода нет, разве что кинуться под копыта лошадей, чтобы они меня затоптали, – манящая идея, такое хотя бы не останется незамеченным. Но продолжать сопротивление было бесполезно, это только сделает Розину еще более несчастной, но никогда не разубедит Жюли. Она приняла решение. И даже не вышла на улицу, чтобы попрощаться.

– Я буду навещать тебя так часто, как только смогу, – продолжила Розина, почувствовав, что я сдаюсь. – А на каникулах ты сможешь приезжать к нам. Новая школа тебе понравится. Очень понравится. Это весьма приятное место. Мать выбрала самую лучшую.

– Сомневаюсь, – буркнула я, забираясь в экипаж, села на обтянутую кожей скамью и хмуро глядела, как тетя усаживается напротив и пристраивает у ног мой саквояж.

Экипаж дернулся и поехал по щелчку кучерского хлыста. Мы тронулись в путь, который вел меня к неизвестному будущему. Я смотрела на удаляющийся дом – вот окно сало-

на с кружевными шторами, из которого я пыталась выбраться. Казалось, с тех пор прошло уже много лет.

Почудилось, что я вижу за занавеской какую-то тень? Мать наблюдала за моим отъездом?

Я моргнула, и видение исчезло.

В продолжение двухчасовой поездки Розина пыталась развеять мои опасения:

– Пансион Граншан – это одно из самых уважаемых учебных заведений для девушек во Франции. Он расположен в Версале, недалеко от Парижа. Ты будешь счастлива учиться в компании с другими привилегированными юными особами.

Она продолжала повторять все ту же присказку, а город тем временем таял вдаль, постепенно открывался вид на поля пшеницы и заросли орешника. Я сидела молча, сжав на коленях кулаки, и представляла, как вот сейчас распахну дверцу и выпрыгну. Унесусь прочь и исчезну, найду пристанище в глухой деревушке и стану просить милостыню на улице, пока какая-нибудь добрая бездетная супружеская пара не возьмет меня к себе. Я буду расти и пасти коз, стану розовощекой и толстой, так что никто меня не узнает. Жюли, снедаемая чувством вины, примется искать меня, Розина захнет с горя, но они не найдут беглянку. Я превращусь в совершенно другого человека. И перестану быть нелюбимым ребенком.

– Мы приехали, – объявила тетя.

Я ожидала, что поездка окажется более продолжительной. Экипаж остановился, и я опасливо ступила на сельскую грунтовую дорогу, не видя перед собой ничего, кроме высокой каменной стены, поросшей лишайником и прорезанной только в одном месте крепкими деревянными воротами.

У меня стали подкашиваться колени. Хотя день был теплый, я ощущала внутри могильный холод.

Розина взяла меня за руку:

– Тут нечего бояться. Тебе здесь ничто не угрожает. Это очень дорогой пансион при монастыре, – добавила она, как будто это меняло дело в лучшую сторону. – Твоя мать предприняла значительные усилия, чтобы получить здесь место для тебя.

В этом я сильно сомневалась. И вспомнила джентльмена с обвислыми усами, герцога де Морни, которого шлепнула по руке. Должно быть, это его вина. Наверняка именно он выбрал для меня эту темницу. Разве Жюли не уверяла его, что меры будут приняты?

Я стояла, сжимая ручку саквояжа, а Розина тем временем дергала за веревку колокольчика у ворот. Тут я прошептала:

– Пожалуйста. Я буду хорошей. Буду прислуживать ухажерам тапан в салоне, научусь петь и читать стихи, чтобы развлекать их, как она.

– Дитя мое, ты не понимаешь, – вздохнула тетя. – Жюли желает для тебя другого. Она столько всего вынесла, столь-

ким пожертвовала, дабы обрести то, что имеет. Твоя мама не хочет, чтобы ты находилась у нее в салоне, а ее поклонники заглядывались на тебя и лезли с поцелуями. Можешь считать ее бессердечной, но она по-своему любит тебя. И хочет, чтобы у тебя была лучшая жизнь, чем у нее.

Я ничего не поняла. Что я знала? Дом в Париже на модном бульваре, хорошо обставленная квартира; моя мать в шелках, гламурная и ухоженная; услужливые поклонники, сбегаящиеся к ней по первому зову. Что не так с ее жизнью? Потом я вспомнила выпуклый живот матери, тень ее фигуры в окне, когда она наблюдала за нашим отъездом, и готовые сорваться с моих губ мольбы остались невысказанными.

Розина вновь позвонила в колокольчик. Через некоторое время кто-то отодвинул засов изнутри, и ворота открылись. Сердце заколотилось у меня прямо в горле.

Передо мной стояла высокая дородная женщина вся в черном, ангельский лик обрамлял монашеский плат. Меня удивило несоответствие между теплой улыбкой на почти детском лице с добрыми карими глазами и траурным платьем, это как будто был ангел во вдовьем одеянии.

– Добро пожаловать в Граншан. Я матушка Софи, преподобная настоятельница этого благословенного дома Сестер Сиона. – Она опустила взгляд. – А ты, должно быть, малютка Сара Бернар.

Это оказалось уже слишком. С отчаянным всхлипом я бросилась в объятия преподобной матушки, должно быть

порядком испугав ее, и уткнулась лицом в пахнувшую сиренью рясу.

Сама того пока не зная, я нашла убежище.

Глава 3

В монастыре был красивый сад с посыпанными белой галькой дорожками, липами и купальнями для птиц – райский уголок спокойствия и безмятежности среди мирской суеты. Я готовилась возненавидеть Граншан, думая, что он не заменит мне Париж, который я полюбила вместе с оглушающим грохотом ландо и экипажей, шаткими омнибусами, бегущими по Монмартру, кривыми переулками и новыми бульварами, хриплогоголосыми пивными, дымными кафе и роскошными универмагами. Розина твердила, что Париж – это самое восхитительное место на земле, и, желая приучить меня к городу, водила по всем его прекраснейшим уголкам и лучшим магазинам, где можно было купить все, чего бы кто ни пожелал. Постепенно я начала считать этот город своим домом, и вот его отобрали ровно так же, как мой дом в Бретани.

Тем не менее после нескольких неуютных месяцев привыкания я начала осознавать, что в Граншане наконец-то могу быть собой, пусть даже лишь в той мере, которую допускал монастырь.

Четко установленный распорядок жизни оказался на удивление комфортным: молитвы в церкви четыре раза в день (мое заявление, что я иудейка, сделанное во избежание этой нудной обязанности, не произвело впечатления на мо-

нахинь); уроки по арифметике, грамматике, истории и географии. Следом за ними – обучение дикции и тренировка осанки. По вечерам – спокойные занятия. В образцовую ученицу я не превратилась, у меня не обнаружилось склонности к запоминанию цифр и фактов. Моими главными интересами стали чтение и таскавшийся за мной повсюду старый монастырский пес Цезарь, да еще создания, которых я вытаскивала из-под камней в саду: ящерики, пауки и лягушки. Я держала их в продырявленной жестянке и кормила мухами.

И еще искусство. Очень скоро я стала лучшей художницей в классе, может быть, даже во всей школе. Я могла схватить форму практически любого предмета и воспроизвести ее углем на бумаге. Много раз я рисовала спящего у моих ног Цезаря, изображала ящериц и цветы, окунающихся в птичью купальню воробьев. Мои работы были такими хорошими, что монахини вешали их на доску, чтобы другие ученицы срисовывали.

Матушка Софи знала, что я некрещеная. Хотя няня и растила меня католичкой, мое религиозное образование сводилось к мессам по воскресеньям и произнесению молитв перед сном, поэтому заявление о том, что во мне течет еврейская кровь, привело совсем не к тому эффекту, на который я рассчитывала. Вместо того чтобы избавиться от дополнительных уроков, меня обязали выучить катехизис в надежде, что в один прекрасный день меня признают достойной принять Святое причастие. Я думала, будет скучно. Но вместо это-

го обнаружила, что очарована историями о злом фараоне и посланном Богом пылающем кусте, о ковчеге, наполненном парами животных, и о страшном потопе. Я узнала, что еврейский народ когда-то пребывал в рабстве и принимал важное участие в событиях, изложенных в бессмертном сказании о чудесах и мучениках. Ощущения, что постигаю религиозную доктрину, не возникало вовсе: я будто погружалась в бесконечную волшебную историю.

Спальня у нас была одна на всех девочек-ровесниц. Граншан на самом деле оказался исключительным местом, куда отправляли дочерей богатые родители. Некоторые воспитанницы важничали из-за своих титулов. Но другие, как, например, Мари Коломбье, с которой я подружилась сразу после приезда, были вроде меня – неопределенного происхождения. Наши матери трудились в качестве...

– *Demimondaines*³, – однажды шепнула мне Мари, когда нас с ней отправили в сад учить роли для традиционного рождественского спектакля, а он был уже не за горами.

Праздник устраивали в честь архиепископа Парижского, одного из главных благодетелей монастыря. Мне исполнилось одиннадцать. Два года промелькнули быстро, и теперь я была достаточно взрослой, чтобы получить второстепенную роль в пьесе. Мне очень хотелось играть архангела Рафаила, я выучила наизусть все его реплики, но монахини отдали роль Луизе, девочке постарше, из титулованной семьи.

³ Дамы полусвета (*фр.*).

Я оторвалась от трех строчек, которые должна была произнести в пьесе, играя пастушка, и встретила с озорным взглядом Мари. У нее были бархатные карие глаза, темные волосы, а фигура начала принимать округлые формы. Я завидовала ее красоте и этим выпуклостям на груди – сама-то до сих пор была худой как щепка, – равно как и восхитительной осведомленности подруги в делах мирских.

– Demimondaine? – удивленно переспросила я. – Что это такое?

– Не что, а кто. – Мари округлила глаза. – Куртизанка, глупая. Кокетка. A grande horizontale⁴. Понимаешь? Как Магдалина. – Я притихла, и она добавила: – Конечно, ты должна знать. Как еще наши матери смогли бы отправить нас сюда? Мы с тобой не Ротшильды.

– Но это значит, наши матери... шлюхи? – тихо выдохнула я непристойное слово.

Я и знала-то его только из-за Мари. История о Марии Магдалине вызвала у меня много вопросов, на которые монахи-ни отвечать не желали, поэтому Мари в конце концов взялась сама объяснить мне, кем была Мария. Мне это слово казалось ужасным, но, когда моя подруга дала ему определение, я поняла, что оно прекрасно описывало мою мать. Салон Жюли и все эти поклонники, упырь Морни, на цыпочках выходящий из ее спальни ранним утром, – так вот чем она зарабатывала себе на жизнь!

⁴ Великая горизонталь (*фр.*); эвфемизм для проститутки высокого статуса.

– Сами они так себя не назовут, потому что не продают себя на улице, – объяснила подруга. – Demimondaines должны быть очень умными. Они... – Повисла пауза, Мари подыскивала правильные слова. – Развлекают, как актрисы.

– Развлекают? – Я вдруг почувствовала отвращение, вспомнив, как настаивала мать на том, чтобы я научилась приличным манерам, как упорно втолковывала, что я должна уважать ее поклонников. – Неужели женщина может заниматься такими вещами с вонючим стариком?

Мари захихикала:

– Ну, если вонючий старик хорошо платит...

Я пересилила охватившую меня дрожь. А сделав это, тут же потеряла всякий страх перед матерью. Даже ощутила слабый прилив жалости к ней, проникнутая уверенностью юной особы, что, какие бы испытания ни припасла жизнь, так низко я не опущусь никогда.

Мари убеждала меня, что стать дамой полусвета для многих предел мечтаний, но добиться вожеленного статуса весьма непросто. Девушки без гроша в кармане со всей Европы приезжают в Париж, как и моя мать когда-то, в надежде превратиться в одно из этих блистательных созданий, которые не показывают прилюдно, на что готовы. Тут используется сложный язык, состоящий из едва заметных жестов и мимики, передающих то, чего нельзя произнести вслух, объяснила Мари. Хотя все девушки, вступившие на этот путь, пользуются им в надежде на успех, но достигают желанной

цели только самые способные.

— Мама рассказывала мне об одной, которой удалось заарканить принца, — сказала Мари. — Он так влюбился в нее, что пустил по ветру свое наследство, лишь бы завоевать ее благосклонность. Эта дама обобрала его до последнего су, а потом поменяла на другого. Принц вызвал ее нового любовника на дуэль и сам получил пулю. Отец несчастного впал в ярость и угрожал устроить так, что ей не будет житья в Париже, но вместо этого сам попался на крючок. Она соблазнила и старика. Тот сделал ее богатой, и теперь эта дама живет в своем шато. — Мари вздохнула, как будто считала эту глупую сказку невыразимо прекрасной.

— Моя мать совсем не такая. — Я вспомнила полную гостей квартиру и набитый до отказа салон, навечно застывшую на устах заглазированную улыбку Жюли, словно один неверный шаг мог разрушить всю ее жизнь. — Не думаю, что она сильно преуспела и разбогатела.

— Ну, у нее должны быть какие-то средства, чтобы отправить тебя сюда. Жить в свое удовольствие и сделать на этом состояние — такой свободой из всех женщин наслаждаются только куртизанки.

Я обдумала слова подруги:

— Это действительно свобода? Или иная форма рабства, как у евреев в Египте? Все, чем владеют эти женщины, у них могут забрать. Разве нет?

— Евреи в Египте? — Мари засмеялась. — О Сара, это было

сотни лет назад! Ты не понимаешь. Подожди, когда повзрослеешь.

Я посмотрела на нее, прищулив глаза. Мари на год старше меня – и частенько упоминала об этом, чтобы утвердить свое превосходство, – но я не считала, что с возрастом изменю мнение.

Тогда и возникли определенные подозрения насчет Морни, хотя с подругой я ими не поделилась: вдруг это он, а не Жюли финансирует мое обучение здесь? Теперь я знала правду и понимала, что округлая выпуклость, которую я видела под ребрами своей матери, могла указывать еще на одного ребенка, возможно зачатого самим герцогом. Жюли отправила меня подальше не для того, чтобы защитить. Мать готовилась родить очередного ублюдка. Похоже, она была искренней, заявив, что я неудобство.

Убежденность в том, что меня отослали прочь для расчистки пути другому ребенку, подстегнула мою решимость не терять понапрасну времени в Граншане. Я должна была проявить себя, а потому с энтузиазмом окунулась в подготовку к спектаклю. Придут все родители и опекуны учениц. Обещание Розины регулярно навещать меня осталось невыполненным, но по крайней мере каждый месяц она присылала пакеты с новым бельем. Присутствие на спектакле архиепископа Парижского могло побудить даже моих нерадивых тетущку и матушку совершить так давно откладываемый визит хотя бы для того, чтобы я не выделялась на фоне других

как единственная девочка в Граншане, у которой нет никаких родственников, готовых поддержать ее во время выступления.

Я должна была сиять на сцене, пусть даже в роли пастушка, произносящего три жалкие реплики.

Глава 4

В день спектакля я встала первой. Было холодное утро конца ноября. Ежегодное рождественское представление устраивали до наступления каникул. В тусклом свете, лившемся сквозь высокие окна на аккуратные ряды кроватей, я второпях заплела спутанные волосы в косу и заправила постель, подоткнув одеяло по углам, на чем настаивали монахини, пока остальные девочки ворчали по поводу холодного каменного пола.

Пришли монахини проводить нас в церковь. Во время молитвы я просила Господа не о том, чтобы Он сделал меня более благочестивой и добродетельной или помог найти мужа. Нет, я хотела исполнить роль исключительно хорошо. Потом, потупив глаза и моля простить мне мое тщеславие, я взывала к Нему, чтобы в своей бесконечной мудрости Он наслал на Луизу какое-нибудь легкое недомогание, например колики, что помешало бы ей выступить сегодня вечером.

— Благословенный Господь, я прошу этого не для себя, но для возвеличивания Твоей славы. Луиза не может сыграть роль так, как я. Она ест слишком много сладкого. Кто-нибудь слышал о толстых архангелах?

Во время последней репетиции в главном зале на маленькой сцене с нарисованным вручную задником Луиза и правда выглядела бледной. Мысль, что Господь откликнулся на

мои мольбы так быстро, вызвала во мне тайный ликующий трепет, и я пропустила свой выход. Сестра Бернадетт, которая отвечала за представление, сделала мне замечание:

– Сара Генриетта, вы опоздали с репликой. Перестаньте витать в облаках и займите свое место.

Я выпалила нужную фразу:

– Смотрите! Звезда восходит! – и отступила в сторону, не удержавшись от порыва ткнуть Луизу локтем.

Выходя вперед, чтобы произнести свою речь, Луиза споткнулась. Я замерла – вдруг она пожалуется сестре Ане, и та запретит мне участвовать в спектакле. К моему удивлению, Луиза вообще не сказала ни слова – остановилась посреди сцены с открытым ртом, будто онемела от ужаса.

Я подобралась. Я была готова. Едва слабость Луизы станет очевидна всем и больную отправят в изолятор пить анисовые капли и лежать в постели, я предложу себя в качестве исполнительницы роли. Ведь я знала наизусть каждую строчку и могла произнести их во сне. Что останется монахиням? Им нужен архангел, а какая-нибудь другая гордячка из титулованного семейства уже не успеет выучить роль.

Но тут, к моему ужасу, Луиза прокаркала свои строчки, словно архангел был астматиком. А потом быстро попятилась назад с совершенно серым лицом.

– Ну... Это было... – Сестра Ана не могла подобрать слов.

Преподобная матушка, сидевшая в зале на одном из стульев, выстроенных рядами для зрителей, шумно вздохнула:

– Луиза, тебе нужно говорить громче. Я едва слышала тебя. Дитя мое, ты точно справишься?

Луиза, вся дрожа, кивнула. Матушка Софи нахмурилась. Хотя я не осмеливалась заявлять о своих преимуществах, однако поймала на себе взгляд преподобной. Потом она подошла к сестре Бернадетт. Я не слышала, о чем они говорили, потому что нас всех отвели на ранний ужин, но, обернувшись, заметила, как сестра Бернадетт качает головой.

Преподобная матушка не сомневалась, что выступление Луизы будет полной катастрофой. Если несчастная сейчас едва справилась со своей речью, как сможет произнести ее перед полным залом зрителей? Она опозорит нас перед всеми, включая монсеньора Парижского.

Пока мы пили консьоме – нам дали очень легкую еду, чтобы не отягощать желудки перед выступлением, – я следила за Луизой, которая пустым взглядом смотрела в пространство и не прикасалась к миске с супом. Мари без конца спрашивала меня, в чем дело, пока я не призналась ей в своей сделке с Господом.

Подруга скептически глянула на меня:

– Думаешь, Господь поразит ее тебе на радость?

– А почему нет? Она же...

– Ты некрещеная, – перебила меня Мари ядовитым тоном, который использовала, желая подчеркнуть свое превосходство. – Бог не отдаст тебе предпочтения перед католичкой.

– То, что моя мать еврейка, еще не означает...

– Если твоя мать еврейка, то и ты тоже, – снова оборвала меня Мари, отчего мне захотелось вылить ей на голову суп. – К тому же ты незаконная дочь куртизанки. Это четыре греха, если я не разучилась считать.

Я хмуро косилась на нее, пока нас загоняли в пространство позади сцены, огороженное висящими на веревках простынями, – импровизированную комнату для переодевания. Луиза, хотя и не притронулась к еде, не подавала никаких признаков колик, которые лишили бы ее способности выйти на сцену. Это совершенно раздавило меня.

Надевая на себя пастушью тунику и тюрбан, я слышала, что в зале собираются зрители, и представляла себе ряды стульев, занятых нарядными женщинами и мужчинами, которые пришли посмотреть на своих обожаемых деток, блестяще играющих пьесу...

Вдруг без всякого предупреждения мою грудь будто сжали тисками.

Я не знала подходящего слова, чтобы описать это ощущение, но оно было достаточно сильным, и я в испуге подумала: уж не собрался ли Господь поразить вместо Луизы меня? Я не могла шевельнуться, не могла вдохнуть. Тело под костюмом покрылось холодным потом, гомон девочек завертелся вокруг меня водоворотом, их тени метались по простыням тошнотворными миражами.

– По местам! – скомандовала сестра Бернадетт, словно из пустоты.

Я не двигалась, будто окаменела, но тут раздалось шипение Мари:

– Сара, пора. Или ты будешь ждать, пока Господь позовет тебя на сцену?

Оцепенело оглядевшись, я потянула Цезаря за поводок и стала подниматься по ступенькам на занавешенную сцену. Звуки последних шепотков и сдавленных смешков усаживающейся поудобнее публики докатились до меня, как шум океана.

Я была на грани обморока. Сейчас я выставлю себя полной дурой.

Сестры Ана и Бернадетт стояли у занавеса. Вдруг я почувствовала, как кто-то взял меня за руку, оглянулась и обнаружила не кого-нибудь, а Луизу!

– Я... я не могу. – Голос ее панически дрожал.

Сестра Ана подошла к нам:

– Что случилось? Луиза, дитя мое, ты заболела?

– Я не могу. Я не могу это сделать. – Луиза начала дергать бумажную бахрому на своих ангельских крыльях. – Я задыхаюсь.

– Ерунда! – заявила сестра Ана; матушка Софи в это время стояла в дверях, приветствовала гостей и показывала им места. – Это всего лишь нервы. Страх перед выступлением. Обычное дело. Все будет нормально, когда начнется спектакль. А теперь, дитя мое, дыши глубже.

Происходит ли то же самое и со мной? Нервы? Если так,

то мои вели себя лучше, чем Луизины. Та, казалось, была готова сорвать с себя блестящие мишурой крылья и мантию, словно они жгли ей тело огнем.

– Нет! Я не могу. Не буду! – Луиза расплакалась.

– Святая Дева, спаси нас! – Сестра Ана обняла ее, переглянувшись с сестрой Бернадетт, лицо которой стало похоже на грозовую тучу. – И что нам теперь делать?

– Я... я могу помочь, – прошептала я; наступила тишина, прерываемая всхлипами Луизы. – Я могу выступить, – повторила я, на этот раз громче. – Я знаю ее реплики и могу сыграть архангела.

При этих моих словах ощущение удушья исчезло, уступив место внезапному приливу жизненных сил.

Сестра Бернадетт проворчала:

– Какой у нас выбор? Переодевайте Сару в костюм. Живо.

Сняв с себя пастуший наряд, я облачилась в мантию и нацепила крылья. Мантия была подогнана под пышное тело Луизы и слишком свободна для меня – нужно было проявлять осторожность, чтобы не запутаться в подоле. Крылья спускались почти до талии, приходилось старательно расправлять узкие плечи, чтобы приподнимать их. Когда я заняла свое место, сестра Бернадетт пронзила меня строгим взглядом.

– Смотри не опозорь нас, – напутствовала она, я же услышала эхо слов моей матери, сказанных в тот день, когда та решила отослать меня в пансион.

Сестра Бернадетт отдернула занавес, и передо мной открылось обширное пространство темноты.

Я почувствовала себя так, будто стою на краю пропасти. Пьеса началась. Мари, теперь одетая пастушком, торопливо произнесла мои строчки и потащила Цезаря к девочке, игравшей роль слепого Товии, которого должен был чудесным образом исцелить ангел. В массе анонимных лиц за сценой я искала знакомые, стремясь обрести в них опору. Мантия, сшитая из льняной ткани, казалась каменной, а крылья устрашающе заваливались набок, как раздуваемые ветром паруса галеона.

Потом я заметила в первом ряду архиепископа, на пальце его руки, подпиравшей подбородок, сверкал перстень-печатка. Рядом с ним с изумленным видом сидела матушка Софи.

– Я пришел к вам с посланием о безграничной любви нашего Всемогущего... – начала я, не слыша себя и не понимая, достаточно громко говорю или нет, звучит мой голос мощно, как подобает небесному созданию, или скрипуче и хрипло, как у девочки, облаченной в гигантскую мантию и исполняющей чужую роль.

Но все это было не важно. Когда я раскинула руки и с моих тонких запястий заструились рукава, то почувствовала, как божественный свет исходит от меня на благословляемого Товию, и горожане пали ниц. Я двигалась по сцене так, словно крылья у меня за спиной пылали, превратившись в ослепительное гало из объятых святым огнем перьев.

Я больше не была Сарой Бернар, незаконной дочерью и некрещеной еврейкой.

Я превратилась в небесного посланника Божьего.

Это продолжалось меньше минуты. Или мне так показалось. Когда на нас обрушились аплодисменты и мы стали кланяться, я поняла, что вся взмокла от пота. Я откинула назад волосы – они были влажные и растрепанные. Наверное, я выглядела ничуть не похожей на ангела.

Монсеньор аплодировал стоя. Так же и преподобная матушка Софи, ее лучистая улыбка выражала одобрение и обзывала всех остальных зрителей следовать показанному примеру.

Меня переполняло ликование. Эти овации... Они звучали как музыка.

Я скользила взглядом по морю лиц и поднятых рук и внезапно словно получила удар под дых тяжелым сапогом, увидев свою мать и Розину. Тетя хлопала с гордым видом.

Жюли стояла неподвижно.

Глава 5

– Мое дорогое дитя, ты была прекрасна! – воскликнула матушка Софи.

Остальные девочки меняли костюмы на форму, чтобы поскорее вернуться в зал и встретиться с родителями, а я стояла оглушенная и не слышала преподобную матушку, пока она не коснулась моего плеча.

– Моя мать и тетя... они здесь, – пробормотала я.

Мне хотелось, чтобы они увидели меня и поняли, каких успехов я достигла, но, сказать по правде, не верила в их появление.

– Естественно, они здесь, – подтвердила матушка Софи. – И ждут тебя. – Она положила ладонь мне на лоб. – О, но ты вся мокрая. Нужно снять эту мантию и...

Я отступила назад, не резко, но достаточно, чтобы преподобная остановилась.

– Матушка Софи, пожалуйста, я бы хотела поцеловать перстень монсеньора.

Лицо настоятельницы осветилось.

– Конечно, так и надо поступить. Как только ты переоденешься, я отведу тебя к нему. Но нужно поспешить. Монсеньор готовится к отъезду, пока мы тут разговариваем.

– Пойдемте прямо сейчас. – Не дожидаясь ответа, я пошла в зал.

За спиной у меня раздались протесты:

– Сара, ты все еще в костюме!

Я не стала ждать, так что матушке Софи пришлось потопрапливаться, чтобы поспеть за мной. Она схватила меня за локоть. Архиепископ в накидке стоял в окружении людей и благосклонно улыбался.

– Что стряслось? – спросила матушка Софи. – Зачем тебе вдруг понадобилось встречаться с монсеньором?

– Я должна получить его благословение.

Мольба в моем голосе вызвала у матушки замешательство, но потом она кивнула:

– Хорошо. Но только благословение. Мы не должны задерживать его.

Подходя к монсеньору, я прекрасно понимала, что Жюли и Розина наблюдают за мной. Остановившись перед архиепископом, я почувствовала, как глаза матери буравят мне спину. Священник обратил внимание на меня. Я встала на колени.

Архиепископ усмехнулся:

– Кто это тут у нас? Неужели наш огненный архангел?

– Монсеньор, – заговорила я, как мне казалось, со смиренным почтением, – прошу вашего благословения. Я родилась еврейкой, но хочу креститься и прошу, чтобы вы присутствовали при моем вступлении в Святую Церковь.

Архиепископ оторопел. Он повернулся к преподобной матушке:

– Эта девочка искренне преданна?

Матушка Софи взволнованно ответила:

– Она каждый день учит катехизис и очень набожна. Может быть, в следующем году, когда ей исполнится двенадцать, она будет готова.

Поглядев на архиепископа сквозь спутанные волосы, я увидела, что он задумчиво смотрит на меня.

– Ну хорошо. Если она готова, я даю свое благословение и буду присутствовать на крещении.

Я схватила его руку и поцеловала перстень.

– Спаси вас Господь, монсеньор, – прошептала я, и он, снова улыбнувшись, отвернулся.

Глянув на меня в замешательстве, преподобная матушка отправилась провожать архиепископа.

Я как раз поднялась на ноги, когда подошли Жюли и тетя Розина. Возмущение матери обрушилось на меня.

– С ума сошла? Что за представление?!

Мать заставила себя замолчать и поджала губы. Выглядела она бледнее, чем обычно, но была в великолепном платье из голубой тафты; кружевная косынка, накинутая поверх лифа с высоким горлом, сколота брошью с камеей; фигура стройная, облегавший талию корсет скрывал все признаки вероятной беременности. Это меня удивило, пока я не вспомнила, что прошло уже больше двух лет, и, разумеется, она уже давно родила бы, если бы тогда носила ребенка.

Розина с волнением поцеловала меня в щеку. Она тоже

выглядела ухоженной – в розовато-лиловом платье с канареечной атласной каймой, волосы не убраны, а затейливо уложены локонами. Сердце у меня захолонуло. Неужели Розина тоже занялась семейным делом? В своей наивности я упустила из виду, что моей тете уже двадцать два, она хотя и была на несколько лет моложе матери, но, вероятно, предполагалось, что сама начнет зарабатывать на свое содержание, после того как меня сбыли с рук.

Позади них с сардоническими улыбками на лицах стояли два господина, оба в сюртуках и с цилиндрами в руках.

Я проигнорировала их и обратилась к матери, изобразив непонимание:

– Спектакль? Монсеньор – наш почетный гость.

– Даже не думай! – рявкнула Жюли. – Никакого крещения не будет. Я запрещаю.

– Но вы же отправили меня сюда, в монастырь. Разве не этого вы хотели? – спросила я, испытывая злобную радость оттого, что щеки матери запылали.

Казалось, она готова взорваться – это обстоятельство я находила одновременно пугающим и забавным, – но тут послышались шаги торопливо возвращавшейся к нам матушки Софи.

– Извините меня, – сказала преподобная, – я должна была проводить монсеньора до кареты, но я очень рада, что вы смогли прийти. Как видите, мадам, Сара вполне успешно справляется!

– Да, – сухо ответила Жюли. – Вижу. Кажется, даже слишком преуспела.

Матушка Софи похлопала меня по плечу:

– Она может чересчур увлекаться, но у нее щедрое сердце. И явные художественные способности. Вы обнаружите, что она...

– Преподобная мать, – оборвала ее Жюли, отчего я сморщилась, – есть тут какое-нибудь место, где мы могли бы обсудить кое-что приватно.

– Да, конечно. Мой кабинет. Только... – Матушка Софиглянула на мнующихся рядом девочек, которые ждали возможности поговорить с ней, большинство, включая Мари, были окружены родней.

– Это важно, – добавила Жюли. – У меня мало времени.

Матушка Софи неохотно согласилась и повела Жюли к выходу из зала, оставив меня с Розиной и мужчинами, которые погрузились в беседу. Тетя обняла меня с такой любовью, что я простила ей нарушенное обещание навещать.

– О Сара! Ты была восхитительна. Так вошла в роль! Сама Рашель не могла бы сыграть лучше. Кто бы мог подумать? Ты когда-нибудь размышляла о том, что карьера на сцене может стать твоим призванием в жизни?

Я в изумлении смотрела на нее. Рашель Феликс была ведущей драматической актрисой в «Комеди Франсез», еврейка по рождению, известная виртуозной актерской игрой. Ро-

зина и раньше говорила мне о ней. Однажды она пыталась достать нам билеты на ее выступление, но их разобрали за несколько недель до спектакля. Я знала, что должна наслаждаться таким сравнением, даже если оно было нелепой попыткой тети загладить неприятное впечатление от встречи с матерью. Потом вспомнила слова Мари о куртизанках – *они развлекают, как актрисы*, – и резко сказала:

– Я не хочу торговать собой на сцене. Или где-нибудь еще, если на то пошло. Думаю, я хотела бы стать монахиней.

Заявление было спонтанным, я сделала его, не задумываясь о том, какие последствия оно влечет за собой, тем не менее мои слова произвели немедленный эффект. Тетя издала нервный смешок:

– Монахиней? Как ты можешь нести такую чушь! – Она замолчала, веселость ее улетучилась, когда взгляделась в мое лицо. – Это невозможно. Понимаешь? Для вступления в монастырь у девушки должно быть приданое. Даже любовь Господа не бесплатна. К тому же ты только что слышала Жюли. Она этого не допустит.

– Почему нет? Если я хочу служить Богу, какое ей дело? Я уберусь с ее дороги навсегда.

Розина вздохнула:

– Ты болтаешь глупости. – Она глянула на своих спутников, которые, насколько я могла судить, не обращали на нас ни малейшего внимания. – В следующем году тебе исполнится двенадцать. Почти женщина. Я говорила, почему Жюли

отправила тебя сюда, но, думаю, ты также должна знать... – Розина замолчала, на лбу у нее залегла тревожная складка.

– Знать что? – Вдруг я почувствовала, что на поверхность всплывает какая-то давнишняя тайна.

Розина опустила взгляд и нервно мяла в руках мягкие кожаные перчатки.

– Твой отъезд сюда устроила не одна Жюли, – наконец произнесла моя тетя. – О, она хотела отправить тебя из дома, это верно. И у нее были на то причины, но это место выбрала не она, а... – Розина резко протянула руку и погладила меня по щеке. – Какая теперь разница?

– Пожалуйста. – Голос мой дрожал. – Для меня это важно. – Хотя я не была уверена, что и правда желаю услышать больше, во мне росло беспокойство: о чем же беседует Жюли с матушкой Софи? Я вообразила, что мать заберет меня отсюда и отправит в какое-нибудь менее гостеприимное место, где никто мне не обрадуется. – Насчет крещения это было не всерьез, – добавила я, а Розина все продолжала колебаться. – Я попросила благословения у монсеньора, только чтобы позлить ее.

Тетя грустно улыбнулась мне:

– Да, я так и подумала. И не виню тебя. Но Жюли серьезно относится к нашей вере. Не смеет этого показать, но гордится нашим наследием и не допустит, чтобы хоть одна из ее дочерей сменила веру. И не она выбрала для тебя это место.

Есть другие дочери? Моя мать родила еще одного ребен-

ка, как я и подозревала? У меня имеется сестричка, запря-
танная где-нибудь, тоже отданная на попечение кормилицы?
Я промолчала, сосредоточилась на последней фразе и осто-
рожно спросила:

– Если не она выбрала это место, тогда кто?

– Твой отец, – сказала Розина с болезненным выражением
на лице. – На самом деле на этом настоял он.

Неожиданное открытие нанесло мне удар прямо в серд-
це. Я едва могла поверить словам тетки. До сих пор никто
при мне не упоминал про отца. Будучи ребенком, я решила
для себя, что этот человек, кто бы он ни был, не хочет иметь
ко мне никакого отношения. В голову приходили самые раз-
ные фантазии о нем: что он был принцем в какой-то далекой
стране или торговцем, ходившим на кораблях по морям-оке-
анам. Красивый, как пират, лысый и храбрый. Я пыталась
убедить себя, что он обо мне не знает. Шли годы, представ-
ление об отце становилось все более туманным, и в конце
концов я полностью изгнала его из своих мыслей.

И вот тетя сообщает мне, что, оказывается, он существу-
ет!

– Мой отец? – прошептала я.

Розина кивнула:

– Ты думала, его нет? Он нотариус в Гавре. После того как
ты родилась, он посылал деньги на твое содержание. Ситуа-
ция с Жюли... была сложная. Но он знает о тебе. И потребо-
вал, чтобы тебя растили католичкой. И договорился о месте

для тебя здесь. И заплатил вперед.

Горло у меня сжалось. Я могла только таращиться на свою тетю в немом изумлении, не зная, испытывать мне благодарность или накричать на нее за то, что столько лет таила от меня такую невероятно важную правду? Не успела я найти способ для выражения бушевавших внутри эмоций, как Розина отвернулась.

В зал возвращались матушка Софи и моя мать.

Послав компаньонам обольстительную улыбку, означающую обещание скоро освободиться, Жюли подошла ко мне: – Матушка Софи заверила меня, что дела у тебя здесь идут хорошо, потому пока я покоряюсь ее мудрости. Но чтобы больше никаких разговоров о крещении. Понятно?

Если бы я не была так ошарашена услышанным, то, вероятно, запротестовала бы. Оглушенная, я приняла прохладный поцелуй матери, сопровождавшийся строгим предупреждением: «Не разочаровывай меня», и молча смотрела, как она уходит.

Розина обняла меня на прощание и поспешила следом. Жюли смеялась, положив пальцы на руку своего ухажера, который повел ее к экипажу.

Зал опустел, а я этого даже не заметила. Девочки распрощались с родителями, монахини увели их в спальню.

Преподобная матушка Софи смотрела на меня с болезненным пониманием:

– Пойдем, дитя мое. – Она протянула мне руку. – Ты не

должна отчаиваться. Господь проведет через все испытания, если в нас достанет веры, чтобы их преодолеть.

Глава 6

Мари хотела знать, что со мной случилось. По ее словам, я стала угрюмая и невеселая, ходила понурая, будто упала со сцены, а не очаровала публику.

– Ты была изумительна, – заявила подруга, пытаясь вызвать у меня улыбку. – Даже Луиза говорит, что стоило отдать тебе роль с самого начала. Она теперь хочет дружить с тобой. Все девочки хотят. Они только и талдычат – Сара то да Сара это. Если бы я не любила тебя так сильно, то могла бы заревновать.

Но даже лесть подруги не подняла мне настроение. С до-сады я выпустила на волю в сад своих пленных насекомых и рептилию. Ящерка, лишенная хвоста, который я случайно прищемила, открывая крышку банки, где держала бедняжку, неловко заковыляла под куст. Я не рисовала никого, кроме скорбных святых, копируя из книг работы старых мастеров, и позволяла находиться рядом только Цезарю, который был так привязан ко мне, что я могла бы пнуть его – и он не убежал бы.

По ночам я лежала без сна. В голове ворочались тяжелые мысли об отце, которого никогда не видела и который жил где-то в Гавре с другой семьей. И пыталась представить себе, как он выглядит. Унаследовала ли я от него свой длинный нос с горбинкой? Нет, это маловероятно, так как он напоми-

нал нос моей матери и, по словам Мари, был, бесспорно, еврейским. Но тогда, возможно, глаза с их хамелеонским зеленовато-голубым оттенком, который отражал мое настроение? Хотя, опять же, глаза Жюли были почти такого же цвета. Или его волосы, мою единственную уникальную черту, – густые, курчавые, золотисто-рыжие, чуть рыжее волос Розины. Увы, ничто в моей внешности не выдавало отца. Я закрывала глаза и пыталась вызвать в воображении образ его лица, но видела только Жюли, злобную оттого, что я выросла костлявой копией ее кремового совершенства.

Единственным способом как-то приблизиться к отцу, заполучить частицу его существа и сделать ее своей – это принять отцовскую веру. Но как я могла решиться на это после строгого запрета матери? Пребывая в смятении чувств, я почти не ела и худела. Монахини говорили, что я заболею, если и дальше буду питаться несколькими глотками консоме и коркой хлеба. Я сосредоточенно размышляла над катехизисом, хотя Жюли и запретила мне креститься, так что дальнейшей необходимости в его изучении не было. Книжку я прятала в сумке, пока преподобная Софи не спросила напрямую: неужели я нарушаю повеление матери?

– Я должна соединиться с Господом, – объявила я ей, складывая ладони перед грудью в подражание святым, которых с таким усердием рисовала в блокнотах. – Чтобы не рисковать своей бессмертной душой. Люди из моего народа распяли нашего Спасителя. Я буду проклята навеки, если не

получу миропомазания.

О, я прекрасно знала, в какую точку бить, какое глубокое воздействие окажут мои слова на матушку Софи.

– Не все люди из вашего народа виновны в страданиях нашего Спасителя, – осторожно ответила она, но я видела, что преподобная мать в затруднении, она разрывалась между необходимостью выполнять требования моей матери и собственной непоколебимой верой.

Я упала перед ней на колени, как прежде падала перед монсеньором.

– Преподобная матушка, мне обязательно нужно креститься. Вдруг я умру, и моя душа будет обречена провести целую вечность в чистилище?

– Дитя мое, ты проявляешь излишнюю горячность. Как ты можешь говорить такие вещи? – Она внимательно смотрела на меня, отмечая бледность и впалые щеки, худобу тела под монастырской одеждой.

На всякий случай я расчехлила свое последнее оружие, припасенное для такого момента.

– Мой отец хочет этого, – заявила я, и глаза матушки Софи округлились. – Так сказала мне тетя. Она утверждает, это он платит за мое обучение здесь. Он католик. И хочет, чтобы меня крестили. Так должно быть.

– Твоя тетя сказала это? – испуганно спросила преподобная.

– Это правда? – ответила вопросом я.

Матушка Софи не могла лгать. Но довольно долго молчала. Некоторое время перебирала четки у пояса, после чего сказала:

– Я знаю только то, что сообщила твоя мать. Твой отец попросил, чтобы тебя отправили сюда. Кто за это платит, я не выясняла. И нет, – добавила она, подняв руку, – я ничего о нем не знаю. Наше общение сводится к переписке.

– Но он мой отец. Мы не можем пренебрегать его желаниями.

Матушка раздраженно вздохнула.

– Однако отменить распоряжение твоей матери я тоже не могу. Сара, ты ставишь передо мной неразрешимую задачу! – воскликнула матушка Софи и, когда я сникла, а глаза мои увлажнились слезами, которые были всегда наготове в последние дни, добавила: – Если только ты сама не услышишь зов Господа. Если у тебя есть истинное призвание служить Ему, никто не сможет помешать тебе надеть монашеский плат. Ты будешь крещена и получишь Святое причастие. Такова будет воля Всевышнего.

– Я слышу его. Господь взывает ко мне! – горячо заговорила я. – Точно взывает.

Матушка Софи снова вздохнула:

– Есть ли у тебя призвание, невозможно решить за минуту. Это требует гораздо большего времени и раздумий. Многие девочки, приходившие к нам, думали, что хотят остаться, но по мере взросления мир начинал манить их. А перед

искушениями мира, дитя мое, бывает очень трудно устоять.

— Не для меня. — Я вскочила на ноги. — Я хочу остаться здесь навсегда.

— Посмотрим, — закончила спор преподобная мать.

Я твердо решила доказать, что не отступлюсь.

Ни одна девочка в Граншане не была прилежнее. Я не пропускала мессы, надраивала полы в церкви и чинила одеяния, хотя очень плохо владела иглой. Расставляла цветы в вазах перед алтарем и готова была обрезать себе волосы для украшения статуй, если бы матушка Софи не запретила это.

Когда весна растопила изморозь на монастырских окнах и примулы высунулись из земли в саду, я заметила, что преподобная постепенно ослабляет оборону. Радость при виде столь искреннего выражения преданности Господу боролась в ней с нежеланием бросать вызов моей матери. Наконец в последние дни сентября, незадолго до моего двенадцатилетия, матушка Софи сообщила, что Жюли дала согласие на крещение. Почему мать изменила мнение, она не объяснила, но я подозревала, что преподобная обрушила на Жюли свои чары: ее ежемесячные отчеты о моих успехах были пронизаны таким восторгом по поводу добродетелей, кои я в себе взращивала, что устоять было невозможно.

К этому моменту я превратилась почти в бесплотного духа, который, как говорила, фыркая, сестра Бернадетт, носился в воздушных, забыв обо всем на свете, кроме Цезаря. Мари променяла меня на Луизу и ее подружек, заявив, что со мной

скучно, так как каждую свободную минуту я провожу или на коленях в церкви, будто послушница, или уткнувшись носом в Библию.

Вечером накануне долгожданной церемонии я не могла есть. Желудок глодал сам себя, нервы были напряжены до предела, предвкушение нарастало до музыкального крещендо, а я вдруг обнаружила, что меня терзают ужасные сомнения. Правильно ли я поступаю, отрекаясь от веры матери и ее родителей? Существует только один Бог, который послал своего Сына, чтобы тот погиб во искупление наших грехов, или есть иной, Бог Авраама, посуливший моему обреченному на скорую отверженность народу прибежище – Землю обетованную? Должна ли я отдать предпочтение одному перед другим, если оба они существуют? А если сделаю это, не рискую ли навлечь на себя гнев Того, которого предала?

Я ворочалась в постели, слыша в голове укоры Жюли и увещевания матушки Софи, мол, вера способна преодолеть все преграды. Уснуть не удавалось. Я встала с койки и на цыпочках вышла наружу, в ночной рубашке и босая. Цезарь, шумно принюхиваясь, трусил за мной, пока я шла через сад к церкви по мокрой от росы траве. Опустившись на колени на каменном полу, я молила Господа наставить меня на путь.

Ответа я не получила. К рассвету время для метаний иссякло. Я вернулась в спальню, стуча зубами – меня била нервная дрожь, – надела белую рясу для церемонии и была совершенно готова, когда за мной пришли монахини и ма-

тушка Софи.

В церкви собралась моя семья. Я и не думала, что они придут, но даже если бы ждала этого, то наверняка обо всем забыла бы, потому что несколько дней назад монсеньор архиепископ был убит в Париже каким-то сумасшедшим. Убийство прелата Церкви привело в ужас весь монастырь, мы читали молитвы по часам, взывая о спасении души несчастного, хотя втайне я сетовала на его смерть, ведь он обещал крестить меня, а такой привилегии не удостоилась больше ни одна из девочек в Граншане.

Жюли и Розина стояли впереди всех, с кружевными платками на головах. Подходя к священнику, проводившему обряд, я вдруг увидела маленькую фигурку, державшую Розину за руку, в изумлении подняла глаза на Жюли и обнаружила у нее на руках спеленутого ребенка, которого сперва по ошибке приняла за муфту или что-то вроде того. Я замерла. Матушка Софи шепнула:

– Твоя мама хочет, чтобы крестили и обеих твоих сестер. Мгновение я не могла вдохнуть.

– Обеих? – наконец вымолвила я, потрясенная одновременно как подтверждением подозрений о наличии у меня родных сестер, так и тем невероятным фактом, что моя мать, которая поначалу решительно противилась моему крещению, столь радикально изменила свое мнение.

– Да, – подтвердила матушка Софи. – Разве это не чудо? Ты будешь принята в лоно Святой Церкви вместе с сестрами.

Господь и правда не оставляет вниманием твою семью, дитя мое.

Церемония проходила для меня будто в тумане, я едва слушала священника, почти не ощутила, как полили святой водой мою склоненную над купелью голову. Я стояла в стороне, когда Жюли поднесла к крестильной чаше своего младенца. Следом Розина тащила упиравшуюся маленькую девочку. Ей не могло быть больше двух лет, и она вела себя так же, как я, когда меня тащили из дома в Граншан, – скандалила.

Потом все закончилось. Я была крещена в католичество. Как и две мои сестры.

Когда мы покинули церковь, я шаталась от усталости и неумемной дрожи. В саду Розина подтолкнула вперед маленькую девочку:

– Жанна, поцелуй сестру.

Малышка топнула ногой:

– Она мне не сестра. Регина – сестра.

Жюли щелкнула языком:

– Ну вот что, Жанна, нельзя быть грубой. Сара твоя старшая сестра, Регина – младшая.

Для подтверждения своих слов она наклонилась и показала Жанне малышку, которая не издавала ни звука. Я углядела сморщенное личико, темный пушок на головке (не фамильная черта Бернар, подумала я), потом подняла глаза и увидела деловитую улыбку матери.

– Ну вот, – сказала она. – Теперь мы все спасены, так ведь? Только я уловила ехидство в ее голосе.

– Сара, – продолжила Жюли, – ты очень худая. Ты опять не ешь? – Вопрос был задан совершенно безразличным тоном, как будто она интересовалась, хорошо ли я сегодня расчесала волосы. – Не допускай, чтобы эта твоя внезапная набожность превратилась в одержимость. Облатки хотя и питают душу, но не могут поддерживать тело.

Я смотрела на нее, не в силах поверить. Она держала на руках младенца, в глазах ее читалась снисходительность, а маленькая Жанна взирала на меня как на самозванку.

– Увы, мы должны вернуться в Париж, – сказала Жюли и ушла.

За арочным входом во двор я увидела двух мужчин рядом с ожидавшим экипажем, тех же самых, которые были вместе с ней и моей тетей на рождественском спектакле. По крайней мере, на этот раз у моей матери хватило чувства приличия не тащить за собой в храм своих поклонников.

Розина неловко обняла меня и, уже убегая, сказала:

– Сара, дорогая, пожалуйста, береги себя. От тебя остались кожа да кости. Я сильно беспокоюсь.

– Все было... на грани, – заметила матушка Софи. – Но ты должна быть очень довольна. Твоя мать не только позволила тебе принять Святое причастие, ты останешься с нами еще на несколько семестров, как и хотела. Разве это не замечательно, Сара? Сара...

Я открыла рот, чтобы согласиться, но голос преподобной доносился урывками и звучал в ушах эхом отдаленного колокольного звона. Меня окатывало ледяными волнами. Я качнулась к ней, и свет померк. Матушка Софи вскрикнула, но я не могла успокоить ее, потому что в обмороке упала наземь.

Глава 7

С высокой температурой и одышкой меня положили в изолятор. Монахини опасались, что у меня чахотка. Когда я стала кашлять кровью, матушка Софи вызвала врача из Версаля, который объявил, что я недолго задержусь на этой земле, отчего сестры страшно засуетились. Они нянчились со мной дено и ночно и держали меня на руках, чтобы я могла получить первое Святое причастие, потому как ни о чем другом они не пеклись больше, чем о загробной жизни. Ничего этого я почти не помню, так как все время дрейфовала из состояния ясности сознания в марево туманного сна и обратно. Вот до чего довела я себя умерщвлением плоти и проведенной в церкви ночью. В краткие моменты просветления я думала, что обречена на раннюю смерть.

Однажды утром я обнаружила, что, хотя и с трудом, могу сидеть, меня больше не бьет озноб. Ночная рубашка, простыня и одеяло были сухими. Когда заглянула матушка Софи и положила руку мне на лоб, она издала вздох облегчения:

– Лихорадка наконец прошла. – Преподобная взгляделась в меня, лицо ее было усталым, постарело на много лет. – Дитя мое, ты нас так напугала.

– Я... я умру? – едва слышно спросила я.

– Когда-нибудь да, как все живые существа. Но не се-

годня. И думаю, не в ближайшее время, сколько бы ты ни старалась. – Она погрозила мне пальцем. – Сара, ты зашла слишком далеко. С этих пор ты должна практиковать умеренность. Восторженность берет над тобой верх, нужно научиться сдерживать ее. Тебя ждет великолепное будущее, если идти к нему с умом.

Ее совет я приняла за приказ. Никто, тем более преподобная мать, никогда не говорил, что стремящуюся в монахини девушку ждет великолепное будущее. Сняв спиной подушку, я прошептала:

– У меня не получилось.

Матушка Софи склонила набок голову:

– Не получилось? Убить себя, вероятно, нет, а это, напоминаю, смертный грех, который не искупить никаким преданным служением. Если ты имела в виду что-то другое, то я сказала бы: ты невероятно преуспела. – Я ничего не ответила, и она продолжила: – Ты доказала, если что-то твердо решила, ничто тебя не переубедит. «Quand même» – «Вопреки всему», вот какой девиз тебе нужно взять для себя. Это признак выдающегося характера, хотя сейчас ты, вероятно, в это не веришь.

– Но не черта монахини, – пробормотала я, близкая к слезам.

Матушка Софи покачала головой:

– Тем не менее это признак чего-то. – Она нагнулась и поцеловала меня в лоб. – Тебе нужно набираться сил. До конца

семестра ты освобождена от занятий. — Сказав это, матушка Софи отклонилась назад. — Твоя мать была здесь. — (Я устала на нее.) — Я послала ей записку, — пояснила преподавательница. — Ты была в таком тяжелом состоянии, мы боялись, что потребуются последние обряды. Она находилась за границей, но твоя тетя Розина отправила ей телеграмму, что, к слову, обошлось ей недешево, и твоя мать сразу приехала. Это было две недели назад. Ты не могла запомнить ее визита, хотя она просидела у твоей постели много часов. Я видела ее тревогу. Сказала, что вернется навестить тебя.

Я сидела, ошарашенная новостями, а матушка Софи продолжила:

— Когда мадам Жюли приедет, полагаю, тебе нужно отыскать сочувствие в своем сердце и попытаться залатать разрыв между вами. Она твоя мать. Мать у нас одна на всю жизнь.

Я опустила глаза. Жюли была здесь. Она прервала путешествие, чтобы повидать меня.

Радоваться мне или бояться ее нового появления? К моменту приезда Жюли я уже могла выходить на улицу. Мать внезапно вошла в сад, одетая в розовое атласное платье с подобранной в тон к нему пелериной и в шляпке с пером. Я приготовилась к лавине упреков, ведь я выглядела призраком. Монахини потчевали меня жирными супами, и я проглатывала их, как голодная львица, но тем не менее оставалась страшно худой, сквозь бледную кожу светились синие вены.

Сев на стул, я завернулась в теплую шаль, несмотря на знойный день. По-прежнему верный мне Цезарь дремал у моих ног. Летний семестр почти завершился, и все девочки с нетерпением ждали августовского перерыва в учебе, когда они разъедутся по домам, чтобы провести месяц в семье. Тишина, наступавшая в монастыре во время летних каникул, всегда меня радовала, сама-то я никогда не возвращалась домой, как и Мари и еще несколько учениц. Мы наслаждались более свободным расписанием, нам позволяли часами торчать в рисовальном классе и носиться по монастырским дворам.

Нервно наблюдая за приближением матери, я удивлялась произошедшим в ней переменам. Она выглядела какой-то другой, хотя мне потребовалось несколько мгновений, чтобы определить, в чем дело. Разгадав загадку, я ощутила еще бо́льшую неловкость. Жюли была по-прежнему красива и, как всегда, прекрасно одета, но впервые за все время, что я ее помнила, она казалась абсолютно довольной.

– Сара... – Жюли села рядом со мной на ту самую скамью, где Мари открыла мне, чем наши матери зарабатывают на жизнь, сняла перчатки, а я подумала: сколько же вонючих стариков ласкали эти ухоженные пальцы?

«Quand même», – всплыло у меня в голове. Эти слова могли быть девизом и моей матери тоже.

– Матушка Софи говорит, ты чувствуешь себя лучше, – наконец произнесла Жюли, нарушив тишину. – Знаешь, все

уже готовились облачать тебя в саван. Ты всех напугала. В особенности преподобную, она была сама не своя.

— Но не вас. — Мне хотелось вывести ее из себя, пробиться сквозь этот непроницаемый фасад, хотя я не была уверена в том, что увижу за ним.

Мать вторично пришла проведать меня. Разумеется, это должно означать, что она тоже беспокоится.

Губы Жюли приоткрылись в едва заметном намеке на улыбку.

— Ты забыла, что я знаю тебя лучше, чем ты сама знаешь себя. Все это ты сделала, чтобы привлечь к себе внимание.

— Внимание! — крикнула я, разбудив Цезаря, который испуганно заскулил. — Я чуть не умерла!

— Вот именно. — Жюли не повысила голоса. — Ты хотела показать, что не слушаешься меня. Сперва этой ужасной сценой с архиепископом, потом изображая из себя святую Терезу из Лизьё, пока мне не надоело читать послания от ма-тушки Софи с восхвалениями твоих добродетелей. А когда ты поняла, что не одна у меня, то разыграли трагедию, достойную самой актрисы Рашель. Мне это ясно. Все-таки, как уже было сказано, я хорошо тебя знаю.

Невероятно! Я не понимала, как она может сидеть здесь в своем модном платье и дурацкой шляпке и говорить такие жестокие, такие греховные слова?!

— Я не виновата. — Голос у меня дрожал. — Вы лгали мне обо всем: о том, кто вы, и про остальное. — Я тяжело дышала,

задыхаясь от желания ранить, причинить ей такую же боль, какую она причинила мне. – Вы лгали мне об отце.

Жюли сидела неподвижно.

– Вот, значит, что у тебя на уме? – протянула она после долгой паузы.

– Розина все рассказала. Она говорит, мой папа присылает вам деньги на мое содержание и это он настоял на том, чтобы я училась здесь, но вы ни разу даже не упомянули о нем.

– Уже и твой папа, да? – Улыбка ее стала злобной. – Рассказать о нем? Я не говорила правды, желая оградить тебя. Все скрывала, чтобы спасти тебя...

– Розина упомянула про какие-то сложности. Из-за этого вы позволили мне думать, что у меня вообще нет отца?

Жюли нетерпеливо вздохнула:

– Ты, как всегда, неразумна. – Она встала и принялась натягивать перчатки. – Так как ты, очевидно, знаешь все, я не вижу причин разубеждать тебя. Теперь ты в безопасности, значит для меня настало время удалиться.

Она развернулась, чтобы уйти, и тут я поняла, что, если допущу это, могу никогда не узнать правды или, по крайней мере, того, что считала правдой Жюли. Я могу никогда не узнать, кто мой отец. С трудом вытянув это слово из горла, я произнесла:

– Maman...

Жюли остановилась и раздраженно оглянулась через плечо. Потом, видя выражение моего лица, вернулась на ска-

мью, на этот раз сев ближе ко мне. Я могла протянуть руку и коснуться ее.

– Я... я хочу, чтобы вы рассказали мне о нем.

Без дальнейших попыток как-то подготовить меня она отбарабанила:

– Его звали Эдуар Терар. Он учился на юриста в Парижском университете и снимал комнату в Латинском квартале, недалеко от того места, где тогда жила я. Мне было девятнадцать, я только что приехала в город, а он был очень красив. У него были густые темные волосы и дикий темперамент... – Она замолчала, потом издала какой-то жуткий смешок. – Почти как у тебя. Внешне ты похожа на мою родню, но по характеру – его копия. Он был такой худой, что растворялся в ночи, когда одевался в черное. Много пил и жил под грузом семейных обязательств, которые включали помолвку с дочерью какого-то торговца. Потом он встретил меня.

Я слушала, как мать описывает моего отца, и мне хотелось забраться в нее, пощупать глубины недостижимого сердца и испытать ее чувства к нему в то время, когда она еще лелеяла свои иллюзии, как всякая нормальная девушка.

– Вы любили его? – спросила я, мне очень хотелось услышать «да»; не важно, какие чувства она испытывала ко мне, главное, что меня зачали по любви, а не в результате грубого торга.

Жюли все поняла и, обездвижив меня взглядом, ответила:

– Я тогда еще не была дамой полусвета, если ты на это намекаешь. Снимала какую-то жалкую комнатенку и звалась Юль ван Хард, голландская еврейка без гроша за душой. Я работала помощницей портнихи, как тысячи других девушек. Он увидел меня, когда принес в починку брюки.

– Но вы любили его? – повторила я, не заостряя внимания на откровении о бедняцком прошлом, потому что это могло ослабить мой праведный гнев по отношению к ней.

Жюли пожала плечами:

– Что я знала тогда о любви или о молодых людях, которые о ней болтают? Ничего. О, у меня были до него другие – двое или трое, но ни одного я не любила. Он отличался. Такой живой. Полный злости и жажды изменить мир. Мечтал о восстановлении Республики. Без умолку говорил о политике, будто я что-то в этом понимала. Он считал, что мужчины должны по собственной воле выбирать свою судьбу, невзирая на статус по рождению. Ты можешь решить, что он был революционером.

Мне приходилось сдерживаться, чтобы не выплеснуть наружу поток вопросов и охвативших меня страстных чувств, хотелось отбросить в сторону шаль и начать танцевать по саду. Мой отец был исключительным человеком, человеком с идеалами! Жюли подтвердила, что я такая же, как он, и я унаследовала его темперамент.

Ее следующие фразы вернули меня к реальности.

– Революционер на словах, да, но не в поступках. Когда

я обнаружила, что жду ребенка, то сразу сообщила ему. А что еще мне было делать? Я нуждалась в его поддержке, – продолжила Жюли, и я невольно затаила дыхание. – Он повел себя похвально, вот что я сказала бы в его защиту. Не увиливал от ответственности, чего можно было бы ожидать от сожителя.

– Розина говорит, он хотел, чтобы меня растили католической. – Я цеплялась за эту мелкую подробность, чувствуя, как мир закачался и готов разлететься на куски.

– Он настаивал только на том, чтобы тебя не растили еврейкой. Признал себя твоим отцом, и это записано в метрике, но запретил мне объявлять об этом публично, по этой причине тебе и была дана фамилия моего отца – Бернар. Я не должна никому открывать, кто твой настоящий отец в обмен на материальную поддержку с его стороны. Так мы договорились. Потом он вернулся в Гавр к своей респектабельной дочери торговца. И там остался. – Жюли посмотрела на сложенные на коленях руки. – Он никогда не просил о встрече с тобой. Каждый месяц присылал мне определенную сумму, но самого его я больше ни разу не видела.

Невозможно! Я отказывалась в это верить. Лишь чувствовала, как ее слова червяками копошатся внутри меня, и понимала, что на этот раз она не лжет.

– Как сказала тебе Розина, действительно возникли сложности, потому что я была еврейкой, родившей бастарда. Несмотря на его напыщенные речи о свободе мужчин, с жен-

щинами, как оказалось, все обстояло иначе. Он не был готов рисковать своим будущим. Это скучная история и слишком тривиальная. Я посчитала себя счастливицей. У него хотя бы хватило совести признать свою ошибку и платить за нее. Другие просто отмахиваются и притворяются, что ничего не было. Его деньги помогли мне оставить это ужасное место у портнихи и начать самостоятельную жизнь. — Жюли немного помолчала, а потом ровным голосом добавила: — Он умер. В прошлом году, от лихорадки.

Я сидела совершенно убитая. Мне хотелось разодрать себе грудь, как у святых мучеников в монастырских книгах. Но в этот отчаянный момент я была не в силах оплакивать то, чего никогда не имела. Впервые в жизни я почувствовала себя совершенно и ужасающе взрослой.

— Он оставил тебе кое-что в завещании, — продолжила Жюли, — но, как все связанное с ним, тут тоже есть сложности. Мне удалось обеспечить твоё пребывание и обучение здесь из его средств, раз уж он сам настоял, чтобы тебя отправили именно сюда. А что до остального... — Она сделала нетерпеливый жест, будто желая развеять мою боль от сообщения, что зачавшего меня человека, с которым я никогда не встречалась, но столько раз представляла себе, больше нет на свете. Встав и расправив юбки, Жюли закончила: — Я вернусь за тобой в августе. Мы поедем с Розиной и твоими сестрами на каникулы. Доктор рекомендует отдых в горах для лечения легких. Я знаю милое курортное местечко

в Пиренеях, в Котре.

Я ошарашенно смотрела на нее:

– А потом?..

– Ты закончишь обучение здесь. Все-таки за него заплачено. А там посмотрим.

Не сказав больше ни слова, Жюли оставила меня понуро сидящей на скамье.

Зато теперь я поняла, что, как и для матери, стать кем-то – для меня единственный выбор в жизни.

Глава 8

Хотя я не стремилась провести время в горах с семьей, учитывая сложные отношения с матерью, однако мне не терпелось познакомиться с сестрами. Как только мы приехали в Котре, я обнаружила, что Жанна – явная фаворитка матери, так как ее одевали в миниатюрные копии нарядов Жюли, и малышка напускала на себя не по возрасту важный вид, что наталкивало на мысль: наверняка она дочь Морни. Однако, как только Жюли исчезала из виду, Жанна забывала о своей высокомерности и превращалась в обыкновенную маленькую девочку, которая шла вместе со мной и Розиной на ежедневную прогулку к соседней ферме. При виде ягнят и козлят у меня кружилась голова от восторга.

Но моей любимицей стала младшая сестренка Регина. Примерно годовалая малышка, она громогласно ревела и хватала меня за волосы, рукава, за что угодно, когда ей нужно было как-то успокоиться. Может быть, оттого, что оливковой кожей и темными глазами она отличалась от всех нас, я смотрела на нее как на постороннюю, и мне легче было ее любить.

Жюли оставалась по-прежнему холодна. Разговор в монастырском саду не сблизил нас, как я надеялась. Розина восполняла этот пробел неустанными заботами обо мне. Она буквально вливала мне в рот суп, закармливала сыром и сыт-

ным серым хлебом, пока я не набрала бо́льшую часть потерянного за время болезни веса.

В монастырь я явилась потолстевшая и только слегка покашливала. Снова взявшись за учебу, я вернула себе и дружбу Мари, задобрив ее немалым числом шоколадных конфет. А еще мы подружились с веселой светловолосой Софи Кросье. Семья жила неподалеку от монастыря, и родные Софи частенько приглашали нас к себе по воскресеньям.

С появлением месячных я была переведена монахинями в спальню к старшим девочкам. Основное внимание теперь уделялось урокам хороших манер и дикции. К четырнадцати годам я говорила как парижанка – от бретонского акцента не осталось и следа – и преуспела во всех бессмысленных навыках, владения которыми ожидают от девочек из семей буржуа, как то: заваривание чая, чтение стихов, игра на фортепиано и поддержание глупых разговоров о банальных вещах.

Тем не менее каждый день я жила под сенью страха. В пятнадцать лет меня признают взрослой по монастырским правилам, и мое пребывание в Граншане закончится. Хотя я не отказалась от мечты стать монахиней, но понимала, что этого никогда не случится. Матушка Софи ясно дала понять, что я не подхожу для религиозной жизни, – еще одна тяжелая ноша, притом что пятнадцатый день рождения неумолимо приближался вместе со всей неопределенностью, которую влек за собой.

За несколько дней до назначенного на август отъезда меня

вызвала к себе матушка Софи:

– Ты должна помнить все, чему мы тебя учили. Нужно принимать волю Божию и выполнять Его заповеди. Сара, ты склонна увлекаться, но не позволяй этим увлечениям сбить себя с пути. Я боюсь, искушения мира будут твоими постоянными врагами.

Она не стала вдаваться в подробности, но ход ее мыслей был очевидным: матушка Софи знала, чем занимаются мои мать и тетя, и, хотя монахини готовили меня к жизни в полную меру своих сил, выбор был невелик. Я могла пересчитать варианты на пальцах одной руки.

– Я так боюсь. – Голос мой оборвался, я смотрела на преподобную Софи – эту женщину я полюбила так сильно, что считала матерью больше, чем родившую меня на свет. – Что мне делать?

– Пусть Господь укажет тебе путь. Господь и твое сердце. Ты сама все узнаешь. Quand même, Сара. Никто не заставит тебя вести жизнь, которая тебе не по нраву.

Проблема была одна: я понятия не имела, чего хочу. Пакуя в чемодан постельное белье и одежду, потрепанную Библию и истертые четки, я обнаружила, что близка к отчаянию. Жюли отправила ландо, чтобы меня привезли в Париж, но ни она сама, ни Розина не приехали составить мне компанию.

Когда я на прощание обняла Мари, та расплакалась.

– Мы должны писать друг другу каждый день, – заявила

она, но я напомнила подруге, что ей следует написать мне первой и дать свой адрес, ведь она уедет во Фландрию.

При упоминании об этом Мари нахмурилась. Как и у меня, у нее тоже почти не было выбора. Ее мать вышла замуж за одного из своих поклонников, толстого фламандского торговца, от которого воняло сыром, как описала его Мари. Моей подруге позволили остаться в монастыре еще на шесть месяцев, пока ее мать организует переезд девушки во Фландрию. Так что Мари тоже очень скоро придется покинуть Граншан, в отличие от другой нашей подруги – Софи. Она была моложе нас, и ей оставался еще год учебы. Софи взяла с меня слово навещать ее. Я знала, что не смогу этого делать, но заверила подругу, что непременно приеду, пытаясь при этом улыбаться, хотя на глаза навернулись слезы. Давясь ими, я пошла во двор, где собрались монахини, желавшие попрощаться со мной.

Они не могли сказать ничего, что облегчило бы мое горе. Я чувствовала себя так, будто меня выгоняют из единственного за всю жизнь настоящего дома. Матушка Софи взяла меня за руку.

– Помни, ты должна выбрать себе судьбу, какую захочешь, – шепнула она, провожая меня к ландо.

Преподобная отступила от экипажа. Пейзаж в окне дернулся, и меня повезли по аллее за ворота, мимо затенявших монастырские стены старых дубов, вырывая из этого святого места, в мир, который, я боялась, проглотит меня целиком.

Старый Цезарь печально завыл.

Сидя в одиночестве на мягкой скамье с красными бархатными подушками, я уткнула лицо в носовой платок, пахнувший лавандой из монастырского сада, и горько заплакала.

Париж был все такой же шумный и многолюдный. И так же вонял, особенно в середине августа. Не зря все, кто имел средства, сбегали в это время из города в сельскую местность. Однако скошенные поля Версаля постепенно таяли вдаль, впереди вырастали городские бастионы, и моя печаль по поводу расставания с Граншаном незаметно стихала. Восхитительный город, полный возможностей. Наверняка я найду там свой путь.

Кучер вез меня по незнакомым новым бульварам. Еще бы, ведь я шесть лет не была в Париже! Я заметила, что мы едем не в тот район, и попыталась донести это до возницы – приходилось надирать голос, чтобы он услышал меня сквозь уличный шум. Извозчик пропустил мои вопли мимо ушей. Надвинув шляпу на глаза, он лавировал между скопищами экипажей и пешеходами.

Остановились мы перед белым зданием на улице Сент-Оноре в Первом округе – модном месте, которое я помнила по своим прогулкам с Розиной. Я вышла из экипажа, кучер подал мне чемодан, и ландо уехало, а я осталась разглядывать лепнину фасада и кованые балконные решетки, свежеокрашенные блестящей черной краской, необлезающей и

без следов пробивающейся наружу ржавчины. Кучер явно совершил ошибку. Он оставил меня одну, будто выброшенную на берег после кораблекрушения.

Из дома торопливо вышла женщина в простом черном платье. Мышиного цвета волосы были пойманы в сеточку на затылке, что подчеркивало ее домашний вид. Она напомнила мне матушку Софи, я даже вздрогнула от неожиданного сходства, хотя незнакомка была заметно ниже ростом, имела живые карие глаза и обладала энергичной деловитостью предприимчивого воробья.

Я подумала, что женщина похожа на маленькую птичку. Une petite dame, как позже говорила она сама с улыбкой, обнажавшей желтоватые от чая зубы.

– Ты, наверное, Сара! Я ждала тебя. Я мадам Герар. Живу над квартирой твоей матери. Пойдем, дитя. Ты, вероятно, устала, пока ехала. У меня есть лимонад и свежие круассаны. Ты голодна? Наверняка. Неужели добрые сестры из Гранша-на не дали тебе никакой еды на дорогу? Как странно. Монахиням следует быть более предусмотрительными. О чем они думали, отправляя девочку в Париж и не дав ей хотя бы кусочка сыра?

Мадам Герар не ждала моих ответов. Продолжая болтать, она загнала меня в дом. В подъезде и вдоль всей лестницы к стенам были приделаны изящные газовые фонари; на четвертом этаже моя спутница указала на дверь со словами «Квартира твоей мамы» а сама поднялась на шестой, где толчком

открыла менее впечатляющую дверь и провозгласила:

– Вуаля!

Я вступила в уютную, но слишком заставленную мебелью квартиру в мансарде, полную растений в горшках и...

– Кошка! – воскликнула я.

– Ах да. Моя дорогая Фруфру, – любовно проворковала мадам Герар, а бело-серое создание меж тем зашипело на меня и метнулось под диван. – Она старая и, боюсь, сварливая. Как я. Но со временем привыкнет к тебе.

Она – я имею в виду мадам Герар – вовсе не казалась мне старой. Пока я, стянув пелерину, искала свободное место, куда бы ее положить, – все поверхности вокруг были завалены книгами и газетами или заставлены безделушками, – хозяйка пошла на кухню и немного погодя вернулась с подносом.

– Садись, пожалуйста. Твоя мать сказала мне, что ты болела. Расскажи об этом.

Присев на диван, где было меньше всего обтрепанных подушек, я снова услышала шипение Фруфру. Мадам Герар поставила поднос на стол и налила лимонад. Дождавшись, когда я сделаю первый глоток и откушу круассан, женщина села в продавленное кресло, которое, очевидно, являлось ее излюбленным местом. К моему удовольствию, Фруфру покинула укрытие и запрыгнула на колени хозяйки.

– Итак, – продолжила мадам Герар, – ты болела?

– Да, несколько лет назад. – Я сильно проголодалась и го-

това была съесть еще четыре круассана. – Не будет ли это слишком нахально, если я...

– Давай, – подбодрила меня хозяйка. – Бери все, что нравится. Я принесла их для тебя. Сама не смогла бы столько съесть. А то вдовый траур на мне разойдется по швам! – Она весело рассмеялась, отчего я стала меньше робеть. Кто эта женщина? – Я не то, что ты, – добавила она. – Худенькая, как обмылок. О молодость! Такой ускользающий дар. Посмотри на меня. Теперь я вдова. Потеряла мужа шесть лет назад. Когда-то я была такой же стройной, как ты, хотя и не такой красивой.

Я тайком поглядывала на нее, уминая круассаны. Мадам Герар не казалась мне старой. Заметных морщин на ее лице не было, разве что у глаз при улыбке, а улыбалась она часто. Седых волос не видно, на руках небольшое раздражение, но не пигментные пятна, как бывает у стариков. Нет, она вовсе не старая, но тем не менее вдова. Наверное, поэтому одета в черное.

– Добавим плоти на эти щечки, – пообещала мадам Герар, когда я смахивала крошки с подбородка. – Ты у меня быстро станешь пухлой и розовой, раз уж я взялась присматривать за тобой.

Очевидно, моя мать наняла ее.

– Вы будете моей гувернанткой? – спросила я, вообразив, что, раз в квартире валяется столько книг, именно этим мадам Герар и зарабатывает себе на жизнь: обучает дочерей

куртизанок.

— Я? Гувернанткой? — Она опять рассмеялась. — О нет, ma chérie. Твоя мать уже наняла довольно солидную воспитательницу. Некую мадемуазель Брабанде. — Мадам Герар наклонилась ко мне, едва не уронив с коленей Фруфру. — Она говорит, что когда-то занималась с одной из великих княжон Романовых. Очень образованная дама. Но, боюсь, не слишком счастливая. Явилась в этот мир не по своей вине. По крайней мере, я пришла к такому выводу. Она будет отвечать за образование твоих сестер и, полагаю, за твое тоже. Я всего лишь соседка сверху, которой доверяет мадемуазель Бернар. Я не возражаю. Мне нравится, когда есть какое-то дело. У нас с моим бедным Анри детей не было, а я очень люблю ребятишек. — Она замолчала и с поистине детской непосредственностью добавила: — Надеюсь, ты согласишься и мы станем друзьями.

Мне тоже этого хотелось. Мадам Герар была мне симпатична. Я получала удовольствие от ее легкой болтовни, богато приправленной сплетнями. Связанная с возвращением домой тревога постепенно исчезала. Не могло случиться никаких больших бед, если мадам Герар наверху.

— Ты можешь приходить ко мне в любое время. Считай мой дом своим. — Она замолчала; я услышала в ее голосе невольный трепет, когда она продолжила: — Твоя мать очень располагает к себе, но она... не всегда располагает собой. Не чувствуй себя одинокой, пока я здесь.

Я опустила глаза. Очевидно, в моих отношениях с Жюли все осталось по-прежнему. Она даже не задержалась дома, чтобы встретить меня. Вероятно, ушла куда-то с Розиной и своими новыми поклонниками.

Хотя все же кое-что изменилось.

Я вернулась в Париж и обзавелась новой подругой.

Прошло несколько недель. Все это время я спала в свободной комнате в квартире мадам Г. и пыталась завоевать расположение неприступной Фруфру. Наконец прибыли Жюли и Розина, нагруженные багажом, вместе с Региной и Жанной. Первая ревела, вторая была бледна от усталости. Я не преминула отметить, что моя мать взяла их с собой туда, куда ездила. Обида сгустилась у меня в сердце, несмотря на то что Регина бросилась ко мне с радостным криком:

– Ma sœur!⁵ – Когда Розина попыталась оттащить ее, малышка плюнула на нее и крикнула: – Putain! Не тронь меня!

– Quelle horreur!⁶ – пробормотала мадам Г. – Такие слова, а ей ведь еще нет и четырех.

Вынув булавки и сняв с головы шляпку, Жюли вздохнула:

– Она повторяет все как попугай, но не понимает ничего из того, что говорит.

Взгляд, искоса брошенный мадам Герар в мою сторону, сообщал: она считает, моя младшая сестра прекрасно все по-

⁵ Моя сестра! (*фр.*)

⁶ Какой ужас! (*фр.*)

нимает.

– Заходи ко мне попозже, – шепнула соседка и ушла наверх, оставив меня в элегантном салоне новой квартиры моей матери.

Липкие от сладкого пальцы Регины прилипли к моим. Розина с извиняющейся улыбкой сказала:

– Мы должны были вернуться домой на прошлой неделе, но поезда задержались. Какая-то забастовка. Ты проводила время с мадам Герар?

«Нет, – едва не выпалила я, – вилась, как призрак, вокруг вашей запертой квартиры».

Жюли отдавала распоряжения горничной, что делать со сваленным в прихожей багажом. На меня она даже не взглянула.

– Приготовь горячую ванну, – скомандовала мать. – Девочек нужно вымыть перед сном. – Потом повернулась к Регине, которая сердито смотрела на нее. – Иди за сестрой. С Сарой будешь возиться позже.

Горничная едва не падала с ног. Взяв моих сестер на буксир и при этом таща полные руки разных вещей, она с трудом побрела по длинному коридору. Регина громогласно протестовала.

Наконец мать подняла глаза на меня:

– Ну вот. Ты здесь.

Эту ее ремарку я не удостоила ответом.

– Я приготовила для тебя спальню, – продолжила Жюли,

а Розина воспользовалась возможностью ускользнуть. — Надеюсь, она подойдет. Конечно подойдет. Ты столько лет спала в общей спальне, что собственная комната, думаю, будет желанным приобретением.

— Я могу спать с кем-нибудь, — заявила я. — Мне это не мешает.

— Правда? — Жюли подплыла к канапе, заново обтянутому дорогим на вид зеленым шелком, сняла кружевную косынку с плеч и перчатки.

Я узнавала и некоторые другие вещи из нашей прежней квартиры: мрачные пейзажи с горами и долинами, вазы, статуи и лампы с украшенными бахромой абажурами. Но остальное было новым, богато декорированным и очень женским: маленькие позолоченные стульчики, на которых едва могла уместиться дама в платье с турнюром, и крошечные инкрустированные столики — они выглядели так, будто сломаются под весом чего-нибудь тяжелее вазы.

— Да, — подтвердила я. — Я бы предпочла жить в одной комнате с Региной.

— Это исключено. С ней будет жить Жанна. — Жюли бросила на меня косой взгляд. — Тебе пятнадцать. У женщины должна быть своя постель. — У меня невольно сжались руки в кулаки, а она продолжила: — Я наняла гувернантку. Мадемуазель Брабанде будет наставницей Жанны и Регины, так как я не собираюсь отправлять других своих дочерей в монастырь. Ты можешь участвовать в их уроках. Тебе же нужно

будет чем-то заниматься, пока я не решу, что делать дальше.

– Делать дальше? – Сердце ушло в пятки.

– Да. У меня есть кое-какие соображения. Не спрашивай о подробностях, потому что еще ничто не устроено. Тебе сообщат в свое время. – (От неожиданности я выпрямилась и замерла.) – Да? Ты хочешь что-то сказать?

– Нет. – В подражание матери я сохраняла ледяную холодность. – Вы позволите мне уйти?

Она кивнула с недовольной и удивленной миной:

– Похоже, тебе пошло на пользу это недешевое пребывание в Граншане. Если не вспоминать о болезни и крещении, манерам ты, кажется, научилась. Твоя спальня дальше по коридору, вторая дверь слева.

Я промолчала. В тот момент я так ненавидела ее, что казалось, в венах бешено пульсирует не кровь, а яд. Мне хотелось, чтобы она умерла.

Но пока я шла к своей комнате, мне еще сильнее хотелось умереть самой.

Глава 9

– Она хочет выдать меня замуж! – Порывом штормового ветра я ворвалась в квартиру наверху.

Мадам Герар выбежала из кухни, где вечно варила или пекла что-нибудь для удовлетворения моего аппетита.

Увидев ее, я замерла на месте, тяжело дыша.

– Хочет, чтобы мы встретились с ней у нотариуса и обсудили условия. Сегодня после обеда!

Тревожно пощелкав языком, мадам Г., которую я прозвала *ma petite dame*, чем раздражала мать, затащила меня в свою неприбранную гостиную. Спихнув Фруфру с кресла, она толкнула меня в него и предложила свое обычное решение для всех жизненных неурядиц:

– Думаю, нам поможет чашечка горячего шоколада. Да, это будет то, что надо. Подожди минутку и...

Я выбросила вперед руку и схватила ее за запястье:

– Она сказала, это голландский торговец тканями, еврей, который успешно ведет дела в Лионе. И он согласился, даже не видя меня, хотя я католичка.

– О боже!

За последние месяцы мадам Герар выслушала от меня просто невероятное количество жалоб, когда я взлетала вверх по лестнице после очередного полученного афронта. Причин находилось и правда предостаточно: от неодобрения

мадемуазель Брабанде по поводу моих акварелей, которое я читала в ее взгляде через пенсне, до все более едких замечаний Жюли по поводу моей эксцентричности. По тону *ma petite dame* было слышно: она считает, что на этот раз я преувеличиваю масштабы несчастья.

– Сара, ты вполне уверена в этом? Жюли сама это сказала? Я энергично закивала:

– Сегодня после завтрака. Она встала напротив Розины и моих сестер, посмотрела на меня и заявила: «Полагаю, пришло время выдать тебя замуж. Очевидно, что для наемной работы ты не годишься, поэтому я не вижу другой альтернативы». – Меня передернуло при воспоминании о том, как бесстрастно мать вынесла свой вердикт. – Заявила, что я только и делаю, что рисую и с унылым видом слоняюсь по дому, и, так как мадемуазель Брабанде не может больше ничему меня научить и я не выказываю склонности быть чем-нибудь полезной, брак для меня единственный выход.

Я ожидала, что мадам Герар произнесет свое неизменное *quelle horreur*, за чем последует выработка решительного плана по предотвращению этой ужасающей катастрофы. Вместо этого она присела передо мной на подставку для ног и спросила:

– Ты сказала ей, что не хочешь выходить замуж?

– Конечно! Я никогда не видела этого мужчину. И определенно не люблю его.

– Но со временем можешь полюбить. Вдруг он окажется

неплохим человеком и уж точно не лишен предприимчивости, если ведет торговлю тканями в Лионе. Вероятно, тебе следует обдумать это предложение.

Я вскочила на ноги:

– Ma petite dame, я думала, ты меня любишь!

– О да, дитя мое, люблю. Как свою дочь. – Она теребила в руках кухонное полотенце. – Я очень тебя люблю, но ты так несчастна. Так не устроена. Твои мать и тетя уходят из дому и оставляют тебя одну на много часов. У тебя есть сестры, но ты не создана для того, чтобы быть нянькой, к тому же они тоже со временем вырастут, и...

– И?.. – От напряжения я не могла вдохнуть.

– Сара, тебе почти шестнадцать. Ты действительно должна чем-то заняться.

Я знала, что она имеет в виду. Она говорила все это не из неприязни ко мне или желания обидеть. Мадам Герар любила меня, как мать, как преподобная Софи, и сейчас лишь произнесла вслух то, о чем мы до сих пор не говорили открыто. Такие девушки, как я, как моя мать и ее сестры, или выходят замуж, пример тому – моя тетя Генриетта, или поступают на работу в швейные мастерские, или становятся куртизанками.

– Не хочу делать это что-то, – сказала я, чувствуя, будто невидимая петля затягивает вокруг горла. – Не хочу, чтобы меня лапал чужой мужчина.

Мадам Герар заметила:

– Думаю, ни одна девушка этого не хочет. Тем не менее для многих это единственный выход. Или это, или попрошайничать на улице. Даже брак по сговору нелегко устроить в наши дни. Вот почему я считаю, тебе нужно обдумать это предложение, если другие варианты тебя не устраивают.

– Я не могу. Нет! – Однако очевидная правота слов мадам Г. остудила мой гнев; реальность была жестокой. И неизбежной. – Можно сбежать, – вдруг сообразила я. – В Испанию или Италию. Начну там новую жизнь, сама. Стану актрисой.

– Как, дитя мое? У тебя нет ни су собственных денег, хотя бы на билет.

– Я могу продать свои принадлежности для рисования...

– А разве ты не откопала их в шкафу своей тети? Они и тогда уже были не новые. Кто их купит? Может, лудильщик, но денег не хватит, чтобы начать самостоятельную жизнь.

Я встала перед ней на колени:

– Ты можешь помочь мне?

Мадам Герар печально улыбнулась:

– Я бы поехала с тобой, ma petite, но у меня нет таких денег. Я получаю маленькую вдовью пенсию плюс то, что время от времени платит мне Жюли. Этого хватает, чтобы иметь крышу над головой. На мои сбережения мы не доберемся даже до Виши, не то что до Испании или Италии.

От досады я стукнула себя кулаком по бедру:

– Должен быть какой-то выход. Я... я отдам в залог что-нибудь из украшений Жюли. Этот мерзкий Морни все-

гда приносит ей всякие побрякушки, которые она надевает, только если идет в Оперу. У нее много украшений, а у него много денег. Не ты ли говорила мне, что он незаконнорожденный брат Луи-Наполеона? Он практически королевских кровей. Ему не составит труда восполнить нанесенный мною урон.

– Да, он королевских кровей. И если ты явишься в ломбард с украшениями своей матери, подаренными ей месье Морни, тебя объявят воровкой и бросят в тюрьму. – Мадам Герар похлопала меня по сложенным рукам и пробормотала: – Не пора ли нам выпить по чашечке горячего шоколада?

Она вернулась на кухню, а я посмотрела через плечо на Фруфру и встретила ее мрачный взгляд.

– Кыш! – шикнула на нее я.

Кошка спрыгнула с дивана и юркнула под хозяйкину кровать.

Если бы так же просто было решить проблему с моим будущим.

К назначенному матерью часу я вернулась в квартиру. Желудок был наполнен шоколадом, а уши – увещеваниями мадам Г.

Я вошла в салон и обнаружила гостей, которые попивали коньяк и беседовали так мило и непринужденно, будто во все не собирались разрушить мою жизнь. Я остановилась в дверях. Наконец Морни заметил меня и кивнул Жюли. Она

повернулась с такой же фальшивой, как и ее приветствие, улыбкой:

– Ах, вот и ты. Снова была наверху у своей *petite dame*?

Думая о том, что, если я сейчас выброшусь в окно, как уже пыталась сделать однажды, это будет удовлетворяющим всех решением, я вдруг заметила масленую улыбку герцога.

– Совсем взрослая, как я вижу. Но могу поклясться, коготки все такие же острые.

Пальцы матери обвились вокруг моей руки.

– Что мы скажем месье герцогу?

– Рада знакомству с вами, ваша светлость, – буркнула я.

– Рада знакомству, говорит она! – загоготал Морни. Он стал тучным и красным, а усы у него совершенно поседели. – Очевидно, девочка не помнит, что мы уже встречались.

На языке вертелся острый ответ, мол, я прекрасно все помню, но Жюли крепко обхватила меня и развернула к другому находившемуся в комнате гостю – худому хмурому мужчине с очками в проволочной оправе и строгим видом человека, который считает себя очень важной персоной.

– Это мэтр Клеман из Гавра. Он был поверенным твоего отца и отвечает за его имущество.

Месье Клеман разом оборвал мой внезапный интерес к нему как человеку, лично знавшему моего отца, сказав, заметно шепелявя:

– Итак, мы все собрались здесь из-за вас. Все эти люди, у которых есть занятия более важные, чем выдерживать исте-

рику взбунтовавшейся дочери, коей следовало бы понимать, что в ее интересах. Вы должны быть очень довольны, мадемуазель.

Я сразу его возненавидела. Ждала, что Жюли скажет что-нибудь в мою защиту, все-таки я ее взбунтовавшаяся дочь, но она только рассмеялась в этой своей искусственной, заглазурованной манере и сделала мне знак сесть.

Я села на стул с ощущением, что сейчас раздастся барабанная дробь – предвестие моей казни.

Раздраженным тоном, будто его перебили на полуслове, месье Клеман продолжил:

– Сто тысяч франков, оставленные ей по завещанию отца, назначены в качестве приданого. А потому необходимо завершить эти переговоры...

– Сто тысяч франков! – Я вскочила со стула.

У меня есть деньги, оставленные отцом. Невообразимая сумма – сокровище, нежданная удача, мое спасение.

Месье Клеман посмотрел на меня с негодованием, его неприятно поразило внезапное открытие, что у бунтарки есть голос.

– ...установлением об их выплате после подписания обеими сторонами, – продолжил он, – брачного контракта и публикации объявления о браке. Только при исполнении этих двух условий, нотариально удостоверенных и засвидетельствованных мною, фонд месье Терара считает обязанным выплатить приданое.

– Но это мои деньги, – заявила я, и все вдруг замолчали. Я посмотрела на Жюли, у которой отвисла челюсть. – Я могу вернуться в монастырь, заплачу, и меня примут послушницей.

Это был единственный путь к спасению, какой я могла придумать. Раздраженно взмахнув рукой, Жюли сказала мужчинам:

– Снова этот монастырь. Теперь вы видите, с чем мне приходится бороться? Она совершенно неразумна.

– Розина говорила, что для вступления в монастырь нужно приданое, – объяснила я. – Если так, мы можем предложить сто тысяч франков Граншану и...

– Предложить? – перебил меня месье Клеман. – Вы разве не слышали, что это приданое?

– И что с того? – Я едва сдерживалась, чтобы не наброситься на него со своими острыми коготками, о которых упоминал Морни. – Это все равно наследство, оставленное мне отцом, или нет?

– Не для того, чтобы вы поступали с ним по своему усмотрению. Приданое должно быть выплачено вашему мужу после заключения брака. – Месье Клеман вперил взгляд в мою мать. – Да, я вижу. Совершенно неразумна. Предлагаю закончить с этим делом. Месье Беренц согласен взять ее не видя. Поэтому я попросил его нотариуса составить бумаги, которые сегодня засвидетельствую...

– Нет. – Голос мой был на удивление спокойным. – Я от-

казываюсь выходить за него.

Поверенный воззрился на меня в полном изумлении, а Морни хохотнул:

– Адвокат, осторожнее. Она с норовом. Я испытал это на себе.

– Это... это какая-то нелепость. – Месье Клеман направил свой гнев на Жюли. – Скажите вашей дочери, чтобы она следила за своим языком. Где это видано, простая девчонка указывает, что нам делать с...

– Моими деньгами, – отрезала я. – Месье, я указываю вам, что делать с моими деньгами. – Не знаю, откуда у меня взялась решимость, где я нашла силы и набралась куража, чтобы распекать поверенного моего отца. – Он оставил эти деньги мне. И я могу поступать с ними так, как хочу.

– Довольно! – рявкнула Жюли, которая никогда не выказывала злости при посторонних, тем более на глазах у такого верного поклонника, как Морни, но тут вышла из себя, взбешенная моим непослушанием. – Ты выйдешь за него, даже если мне придется тащить тебя к алтарю за волосы. И ты никогда не поступишь в монастырь. Никогда, слышишь меня?

Розина проблеяла:

– Сара, пожалуйста. Ты должна выйти замуж, если не будешь работать.

– Кто говорит, что я не буду работать? – накинулась я на свою тетку, так что она, бедняжка, вжалась в стул. – Я никогда этого не говорила. Я не буду работать, как вы, на спине.

Моя мать за пару секунд пересекла комнату – и хлестко ударила меня по щеке, я качнулась на пятках.

– Неблагодарная, – прошипела она. – Неблагодарная. Своенравная эгоистка. Такая же, как он. Думаешь только о себе, не заботясь о последствиях своих действий.

Наступила оторопелая тишина. Я ощущала, как горит у меня щека. Месье Клеман ухмылялся.

Морни, зевая, встал.

– Mon Dieu⁷, какая драма! Меня она слегка утомила. Chère Жюли, пусть ваша горничная принесет мои пальто и трость. Я не хочу присутствовать при втором акте.

Все еще трясаясь от злости, мать потянулась за фарфоровым колокольчиком, который стоял на маленьком столике, как вдруг – невозможно поверить – Морни перевел на меня свои водянистые глаза, и я увидела в них веселое благодушие.

– Боюсь, мы в тупике. Если девушка не желает идти замуж, а монастырь вне обсуждения, вероятно, учитывая ее очевидные таланты, мы должны отправить юницу в Консерваторию. Сара Бернар, tragedienne⁸. В этом что-то есть, вам не кажется?

– В Консерваторию? – Рука Жюли замерла на колокольчике. – Вы, месье, намекаете, что ей следует стать актрисой?

Она произнесла это с ужасом, как будто Морни предлагал

⁷ Мой Бог (*фр.*).

⁸ Трагедийная актриса (*фр.*).

сделать из меня поденщицу.

— Почему нет? — Герцог подошел к столику и сам позвонил в колокольчик. — Я помню, она прекрасно играла роль на том маленьком рождественском представлении в монастыре. Начальник отделения изящных искусств — мой хороший друг. Он в совете директоров Консерватории. Это можно организовать. Ей нужно будет пройти прослушивание и отучиться два года. Зато когда она заслужит место в театральной компании, станет получать скромное жалованье и сможет содержать себя. Преимущественно, — добавил он, возвращая ко мне свой мрачно-игривый взгляд, — стоя на ногах.

— Милорд, я никогда не говорила, что хотела стать актрисой, — прошептала я.

— В самом деле. Тем не менее сейчас вам нужно задаться вопросом: чего вы хотите меньше — быть актрисой или женой? Эту дилемму, мадемуазель, способны разрешить только вы.

Горничная наконец принесла вещи Морни.

Пока герцог надевал пальто и перчатки, а моя мать приводила в порядок свои растрепанные чувства, он добавил:

— Очень кстати, завтра вечером я иду в «Комеди» на «Британик» Расина. Я пришлю своего человека с билетами и экипаж. Надеюсь, вы присоединитесь ко мне.

Жюли пошла его провожать. Я посмотрела на Розину, которая явно испытала облегчение, словно все проблемы были решены, а месье Клеман презрительно фыркнул:

– Актриса? Это пугало в платье? Только если у нее будет одна роль – Смерть с косой.

Я проигнорировала его. Что тут скажешь? Морни прав.

Актриса или жена. Все карты выложены передо мной.

Глава 10

Я никогда не бывала в театре.

Конечно, я о нем знала. «Комеди Франсез», именуемый также Домом Мольера в честь своего основателя, знаменитого драматурга XVII века, был одной из двух финансируемых государством театральных компаний во Франции. Именно там актриса Рашель, наша еврейская икона, дебютировала и обрела легендарную славу как ведущая исполнительница ролей в классических и современных пьесах.

В течение последних тоскливых месяцев, не имея почти никаких занятий, я облазила всю округу и не раз проходила мимо местного театра, где «Комеди» давал утренние спектакли. Я видела актеров, кутивших рядом со зданием – этот порок казался мне манящим, – и декорации, которые вносили через задний вход, но на настоящем спектакле никогда не бывала, потому что такие развлечения могли позволить себе далеко не все.

Жюли, будучи женщиной, знакомой с жизнью города, вероятно, имела свое мнение на этот счет. Она наверняка хорошо представляла, что влечет за собой работа в театре. В другой ситуации я могла бы расспросить ее, но теперь я будто вовсе перестала существовать для нее. Да я и сама старательно избегала Жюли весь следующий день – сидела на уроках своих сестер, а после обеда, когда мать легла вздремнуть,

прокралась наверх, чтобы сообщить мадам Г. о произошедших событиях.

– О, это прекрасная идея! – воскликнула она, немало удивив меня. – Играть на сцене – идеальная профессия для тебя. Ты обретишь независимость и будешь жить как пожелаешь. И тебе не придется выходить замуж за нелюбимого человека.

Я внимательно вгляделась в нее, пытаюсь определить, была ли искренней нотка облегчения, звучавшая в ее голосе. Что-то в мадам Г. напоминало мне выражение лица Розины, будто они с ней сходились в одном: все, что снимало напряжение в семье и могло занять меня, следовало принимать без оглядки, независимо от того, сулит ли это какие-то выгоды.

– Разве это профессия? – с сомнением спросила я. – Разумеется, одеваться в костюм и ходить в нем для развлечения публики – это шаг вперед по сравнению с тем же парадом в салоне.

Ma petite dame вздохнула:

– Вероятно. Но тебе не обязательно выставлять себя на показ в салоне, если ты этого не хочешь. И мужа развлекать тоже не придется.

После я спустилась к себе и лежала без сна, пока не настало время готовиться к вечеру. Розина принесла мне платье – одно из своих; никуда не годное, на мой взгляд, из мерзкой голубой тафты, быстро переделанное с помощью бантов и рюшей, которые скрывали дополнительные складки и зашипы, потому что тетя была значительно объемнее меня в

талии и бюсте. Как только она зашнуровала платье, я заняла:

- Словно спица в абажуре. Мне обязательно надевать это?
- Боюсь, Жюли на этом настаивает, – кивнула тетя. – Мы идем на спектакль с Морни. Ты должна выглядеть так, будто принадлежишь к его компании.

Во время поездки в присланном герцогом фиакре я сидела, зажатая между Жюли и Розиной, обе они были разодеты в пух и прах, на шеях и запястьях сверкали украшения, глубокие, обшитые кружевом вырезы корсажей открывали ложбинки между грудями. Перед входом в театр, где избранные члены общества высаживались из лакированных экипажей с золочеными фамильными гербами, Жюли схватила мою руку в черной перчатке и прошипела:

– Если сегодня ты опозоришь меня, я отправлю тебя в Лион первым же поездом.

Предупреждение не имело смысла. При входе в Пале-Рояль, где «Комеди» давал сегодняшнее представление, я невольно разинула рот. Никогда прежде не доводилось мне видеть такой роскоши. Меня потрясло изобилие красных ковровых дорожек, таких мягких под моими неудобными туфлями, и голубоватый свет газовых рожков, вмонтированных в витиеватые позолоченные светильники на стенах, отделанных белыми обоями из шелковой бумаги. На подкладках мужских накидок длиной до колен мелькал алый шелк, из-под фраков выглядывали узорчатые атласные жилеты, а женщины, словно лебеди, проплывали мимо в платьях мяг-

ких оттенков: кремовых, персиковых и жемчужных, – таких широких, что юбки занимали весь проход.

У герцога, разумеется, была собственная ложа. Рядом с ним сидел какой-то медведеподобный мужчина с ужасающей, по крайней мере на мой взгляд, карамельного цвета кожей и пронзительными серо-голубыми глазами, глядевшими из-под копны курчавых рыжевато-каштановых волос. Это меня поразило. Никогда не думала, что увижу Морни, титулованного аристократа, рядом с явным метисом.

– Мадемуазель Бернар! – пророкотал похожий на медведя человек, вставая, чтобы уступить моей матери и Розине передние места. – Как приятно видеть вас. – Он говорил так, будто встретить их здесь, а не в салоне Жюли – обычное дело, потом опустил взгляд на меня. – А это, вероятно, бесподобная Сара Бернар, о которой я столько слышал?

Морни лениво улыбнулся:

– Мадемуазель, позвольте представить вам моего друга месье Александра Дюма.

Про себя я не преминула отметить, что Морни распространяет сплетни обо мне, но восхищенного вздоха сдержать все равно не сумела.

– Писатель? – спросила я, прекрасно зная, кто он.

Теперь мне стало понятно, почему этот странный человек был удостоен компании Морни. Александр Дюма – знаменитый романист, книги которого отдельными частями публиковались в газетах и будоражили Париж. После Виктора Гю-

го его считали величайшим из ныне здравствующих писателей.

— Он самый. — Дюма улыбнулся. — Мадемуазель, вы читали мои труды?

— Да, — шепотом ответила я, а потом придала силы голосу, чтобы он не звучал как у робкой, неопытной девушки, какой я, впрочем, и была. — «Граф Монте-Кристо» одна из моих любимых книг...

Дюма прижал к груди похожую на лапу руку:

— О, у нее голос, как у ангела!

Морни расплылся в улыбке:

— Поверьте, mon ami, вы еще ничего не слышали. Подождите, когда она его возвысит. У фагота меньше силы.

Жюли стрельнула в меня ледяным взглядом и сказала, опускаясь на предложенное ей место:

— Она всегда сидит, уткнув нос в книгу. Я не перестаю твердить ей, что для женского ума так много читать — вредно.

— Кажется, с умом у нее все в порядке, — отозвался Дюма и украдкой подмигнул мне.

Я заняла место рядом с матерью, а герцог с писателем устроились позади. Невероятных размеров хрустальная люстра, подвешенная у нас над головами, мерцала светом газовых рожков, как восходящее мглистым морозным утром солнце. Вдруг раздались три гулких удара, и от неожиданности я подскочила.

Наклонившись вперед, Дюма шепнул мне на ухо:

– Приготовьтесь, mon ange⁹. Представление начинается.

По залу тихим шепотком разносилось шуршание программ и вееров, заиграл оркестр. *Взжих* – поднялся тяжелый занавес с золотой бахромой, и за ним открылся новый мир: пилястры и пастельные облака, висящие над семью холмами древнего Рима, по которому расхаживали люди в тогах и венках. Императора Нерона играл актер величавой наружности, его раскатистый голос гремел подобно грому. Но меня больше всего впечатлила женщина, исполнявшая роль его матери Агриппины. Крупная, с полными руками, униженными браслетами, облаченная в пурпурную мантию, она была уже немолода, однако, изображая мстительную мать императора, так горделиво шествовала по сцене, что затмила всех своим властным видом, зачаровала плавными жестами, проникнутыми грандиозной злобой.

Я находилась под большим впечатлением, что обычные люди, алхимическим волшебством костюма и света превращенные в эпические фигуры, способны благодаря этому переносить зрителей в иную реальность, даже совершенно незнакомую – более величественную и эмоционально насыщенную, где с вулканической силой бушевали страсти. Это был мир, где унылая скука бытия сходилась на нет, где не было места обыденности.

Театр оказался волшебным спасительным убежищем.

Вцепившись в барьер и довольно громко застонав, я вы-

⁹ Мой ангел (*фр.*).

сунулась так далеко вперед, что могла бы свалиться на ряды кресел в партере, если бы мать не втащила меня обратно.

– Тихо, – прошипела она. – Ты идиотка? Чего тарачишься и мычишь как корова?

Дюма хмыкнул:

– Трудно не увлечься. Мадам Натали играет Агриппину лучше всех.

Жюли не утруждала себя просмотром пьесы. Она не отводила лорнета от глаз, а в перерывах шепталась с Морни:

– Вы видели принцессу Матильду? Я слышала, она бросила своего любовника и сошлась с каким-то дегенератом. У мадам Кастильон, определенно, крепкие нервы, раз она оказалась на публике после такого скандала. А там, во втором ярусе, это что, несносная писательница Жорж Санд? Это она? Ну, сегодня у нее хотя бы хватило приличия надеть платье, а не эти ужасные брюки. Куда катится мир, если женщина считает возможным для себя появляться в обществе в мужском наряде?

Я почти не слушала ее едкие комментарии. Розина тоже – она пошла пить аперитив, вернулась в ложу только на заключительный акт, но, пока он шел, тихо откланялась. Развязке действия предшествовал грохот цимбал, который поднял меня на ноги и вызвал крик восторга: спектакль был великолепен, он перенес меня в далекое прошлое и позволил забыть обо всем вокруг, о неустроенности собственной жизни и выборе, который мне предстояло совершить.

Впрочем, к моменту, когда занавес опустился, выбор передо мной уже не стоял. В зале зазвучали аплодисменты, рикошетом отлетавшие от стен, и я поняла, что должна стать частью этого мира.

Зажегся свет, зрители встали, и Жюли повернулась ко мне:

– Неужели ты нигде не можешь удержаться, чтобы не устроить спектакль?

Дюма снова встрял в разговор:

– Вы не должны винить ее. Это действительно была выдающаяся постановка пьесы, которую всегда считали слишком помпезной и перегруженной деталями. – И он с такой добротой улыбнулся мне, что я едва не заплакала. – Вам понравилось, ma petite etoile?¹⁰ Соответствовало ли это вашим ожиданиям?

– У меня нет слов, – прошептала я и, к своему ужасу, почувствовала, как по щеке катится слеза.

– Ну, – Дюма наклонился ко мне, – вы лучше подыщите слова. Возьму на себя смелость сказать, что с такой эмоциональной отзывчивостью и необыкновенным голосом вы сами однажды сделаетесь сенсацией.

¹⁰ Моя звездочка (*фр.*).

Глава 11

Итак, все было решено. В следующем месяце я должна явиться на прослушивание для поступления в Консерваторию драматических искусств и музыки¹¹, в народе известную просто как Консерватория. Жюли недовольно хмыкнула, хотя Морни заявил:

– Великолепное решение! – и тем продолжил процесс смазывания колесиков взаимного интереса.

Я с головой погрузилась в подготовку. Жюли только закатывала глаза, обнаружив меня копающейся в принесенных из квартиры мадам Герар книгах Вольтера, Мольера и Расина. Я старалась заучить наизусть как можно больше, расхаживала взад-вперед по своей спальне и декламировала, сопровождая речь широкими жестами в стиле мадам Натали, пока моя мать не протянула небрежным тоном:

– Вовсе не обязательно так напрягаться. Тебя примут. Морни позаботился об этом.

– Все равно я хочу быть совершенством, – возразила я. Она засмеялась:

– Думаешь, это так просто? Прорекламировала несколько строк, и – вуаля – тебе уже аплодируют. Ничего-то ты не понимаешь. Жизнь, к которой ты так стремишься, ничуть не лучше той, что тебе ненавистна. Как, по-твоему, все эти ак-

¹¹ Высшая национальная консерватория драматического искусства.

трисы платят за свои костюмы и грим? Как обеспечивают себе крышу над головой? Им тоже нужны покровители. Денег, которые ты когда-нибудь заработаешь в роли инженю, едва хватит на пропитание.

– Я мало ем, – огрызнулась я, и Жюли прищурилась. – И у меня уже есть покровитель. Даже два. Месье де Морни и месье Дюма.

Мать могла бы снова меня ударить. Я видела, что у нее руки так и чесались. Дюма действительно отнесся ко мне с особым интересом. Каждый четверг вечером он, пыхтя, поднимался по лестнице в нашу квартиру и на глазах у забавлявшихся зрелищем гостей Жюли давал мне рекомендации по поводу выступления, басистым голосом изрекая:

– Не так быстро. Помедленнее. Говорите четче!

Он даже написал упражнение для оттачивания раскатистого «р», и я сводила всех с ума беспрестанным повторением фразы: «Огромная серая крыса сгрызла три крупных зерна ржи».

Во время следующего своего визита к нам Дюма аплодировал мне:

– Да, именно так. *Superbe*¹². Только не понижайте голос в конце фразы. Выдерживайте темп. Усиливайте эмоцию и дышите. У вас серебристый голос. Используйте его. Пусть он передает чувства, это привлечет зрителей. Никогда не подражайте. Ищите свою героиню в себе, *ma petite etoile*.

¹² Превосходно (*фр.*).

Мне нравилось, что он называл меня своей звездочкой. Дюма заменил отца, которого я так часто рисовала себе в мечтах. Перед уходом, а он никогда не принимал участия в дальнейших увеселениях, Дюма всегда оставлял немного денег со словами: «Девочке на платья». Жюли убегала в свою спальню – Розина бросалась за ней – и орала там, а сестра молила ее успокоиться.

– Неблагодарная! – вопила мать, и я вместе с сестрами, которые испуганно таращили глазенки, слышала ее сквозь дверь. – Она твердила, что не будет работать на спине, поэтому взялась за дело глазами. Этот мерзкий Дюма обхаживает ее как влюбленный бык. «Для девочки. Для моей маленькой звездочки». Это невыносимо! Все еще девственница, и уже мешает мне.

Напряжение между нами нарастало. Жюли считала, что своими возмутительными амбициями я соблазняю ее поклонников. Наутро в день прослушивания я была комком нервов, направив все свои мысли и чувства на достижение цели, в жертву которой принесла все, даже завтрак.

Стать актрисой – это значило гораздо больше, чем иметь успех на сцене. Затмить всех своим мастерством не было главным, хотя я об этом мечтала. Настоятельная необходимость вырваться из-под власти матери, избавиться от ее неодобрения и едких пророчеств, что я закончу жизнь на дне общества среди всяких подонков, как тысячи других инжению до меня, вкупе с периодическими жалобными призывами

внять голосу разума, потому как месье Беренц, торговец, пока еще не утратил желания взять меня в жены, – все это превратило мою жизнь в ад. Даже пресловутое социальное дно казалось мне более предпочтительным, чем общество матери.

Тем не менее Жюли потратила часть оставленных Дюма денег на новое платье для меня. Когда Розина распаковала его и вынула из коробки, я застонала в отчаянии:

– Черное. Я буду похожа на вдову.

– Это настоящий лионский шелк. Его прислал месье Беренц. Посмотри. – Тетя приложила его ко мне; я стояла перед стареньким зеркалом, висевшим над моим бюро. – Оно подчеркивает удивительный цвет твоих глаз.

Да уж, подумала я, цвет глаз и отсутствие фигуры. Примерив платье и взглянув на себя в зеркало, я поняла, что дела обстоят еще хуже. Я выглядела не вдовой, а инвалидом. На шестнадцатом году жизни у меня появился некий намек на груди, но портниха не приняла этого во внимание, так же как, очевидно, не учла и прочие мерки, которые сообщила ей моя мать. Думаю, она намеренно послала устаревшие, чтобы я испытала неловкость. Подол платья болтался выше моих болезненно худых лодыжек, из-под него высывались длинные белые панталоны. Лиф стягивал меня, как корсет (этого приспособления я никогда не носила, потому что была худой); ворот в рюшах давил на горло и будто когтями царапал снизу подбородок. Я пригляделась и заметила на лифе дыр-

ку, которую чересчур усердная портниха прожгла утюгом.

Бросившись в салон, где меня ждала мадам Г., чтобы сопроводить на прослушивание, я закричала:

– Платье прожжено. Смотри, на шелке дырка!

Жюли, разлегшаяся на своем канапе в *robe de chambre*¹³, с рассыпавшимися по плечам волосами, вздохнула:

– Почти незаметно. Накинь сверху какое-нибудь из моих фишю и приколи камею.

– Фишю? – Я в ужасе уставилась на нее. – От этого станет только хуже!

Розина спешно пошла за вещами, пока Жюли пила кофе.

– Вы не собираетесь одеваться? Я опоздаю, – сердито спросила я.

– Конечно, я оденусь, – ответила она. – Позже. У меня вечером встреча.

– Вы со мной не поедете?

Не знаю, почему я удивилась. Она все время вела себя так, будто мое прослушивание – это глупость, о которой я еще пожалею.

– Я уже объясняла, твое зачисление – вопрос решенный. Меня заверили в этом уважаемые люди. Вся эта суета по поводу платья и всего остального совершенно неуместна.

– Это неправда, – возразила я. – Дюма говорил, что купить место в Консерватории при отсутствии таланта невозможно. – Я отвернулась от нее в момент появления Розины

¹³ Домашний халат (*фр.*).

с фишю. – Скажи ей. Ты была рядом позавчера, когда он говорил это.

Розина, избегая смотреть на Жюли, накинула кружевную косынку мне на плечи, заколола ее камеей сбоку, поверх прожженного пятна, и пробормотала:

– Вот. Так намного лучше.

– Глупости какие! – рывкнула Жюли. – Неужели Дюма действительно заявил ей такую чушь?

Розина мяла руки:

– Да. Вы гуляли с Морни, а Дюма пришел помочь Саре готовиться, и он сказал нам это.

– Кому и знать, как не ему. – Я обратила яростный взор на Жюли. – Он тоже драматург. Если я не продемонстрирую талант, что бы ни говорил Морни, в Консерваторию меня не примут.

– Отлично. – Голос Жюли стал ледяным. – Значит, можно спокойно выдохнуть, раз там будут оценивать твой талант, а не одежду, верно?

Еще раз хмуро глянув на нее, я схватила соломенную шляпу и быстро пошла на улицу, к фиакру, с Розиной и *ma petite dame*.

Комната отдыха в Консерватории на Фобур-Пуассоньер была полна соискателей – юношей и девушек, даже детей, одетых в лучшие воскресные наряды. Вокруг них суетились мамки и воспитатели, а конкурсанты неистово повторяли

выбранные для прослушивания отрывки, пытаюсь напоследок улучшить что-нибудь еще, хотя капельдинер уже выкрикивал имена из списка, который держал в руках.

Один за другим конкурсанты уходили через двойные двери в коридор. Сидя с Розиной и мадам Г. на скамье, я ёрзала, силясь расслышать, что происходит за дверями, хотя капельдинер бросал на меня неодобрительные взгляды. Через некоторое время двери снова открывались и появлялись соискатели, бледные и дрожащие, а кто-то даже в слезах.

Я уже начала подумывать, что это была большая ошибка.

– Мадемуазель Сара Бернар, – произнес служитель.

Мадам Герар пожала мне руку.

– Это ты, дитя. *Merde*¹⁴, – шепнула она, используя принятый в театре способ пожелать удачи.

Встав на негнущиеся ноги, я подошла к капельдинеру.

– Что вы прочтете для нас? – скучающим тоном спросил он.

– Вторую сцену, – дрожащим голосом проговорила я. – Акт второй. «Федра». Роль Арикии.

– Амбициозно. А кто будет подавать вам реплики?

– Реплики? – эхом отозвалась я.

Дюма ни о чем таком не упоминал или упоминал, да я пропустила мимо ушей или забыла.

Распорядитель сделал нетерпеливый жест:

– Мадемуазель, у нас очень напряженное расписание, как

¹⁴ Дерьмо (*фр.*).

вы сами видите. Строчки персонажа, с которым беседует Арикия: кто будет их произносить?

Я бросила отчаянный взгляд через плечо. Ни Розина, ни мадам Г. текста не знали.

– Я... Я не думала, – заикаясь, произнесла я и перевела растерянный взгляд на капельдинера.

– Тогда принесите книгу и найдите кого-нибудь. Полагаю, у вас есть с собой книга?

Книги не было. Убей меня Бог, даже если бы я знала, что ее необходимо взять, то все равно забыла бы об этом после фиаско с платьем. Снова оглянувшись на ожидавших своей очереди счастливиц, у которых наверняка имелись наготове и книги, и люди, которые будут подавать реплики, я приняла смелое решение. Я знала наизусть целиком несколько частей из разных пьес, но везде нужны были собеседники, значит необходимо сменить курс.

– Тогда я прочту Лафонтена «Два голубя».

Выбор был неожиданный, судя по озадаченному лицу капельдинера. Рифмованная басня Лафонтена рассказывала о двух голубях. Они были очень дружны, но одному из них захотелось посмотреть новые места. Потрепанный бурей, напуганный хищными птицами, весь израненный, он вернулся к своему приятелю и больше в странствия не отправлялся. Написанная как поучительная история для детей, басня казалась весьма неоднозначной, ведь оба голубя были самцами.

– Вероятно, это будет увлекательно, – кисло промямлил распорядитель и отвел меня в похожий на огромную пещеру зал с высокой сценой. Перед ней за длинным столом сидели четверо мужчин и одна женщина.

Я едва могла сфокусироваться на судьях. Вдобавок к предупреждению о невозможности купить себе место в Консерватории Дюма сообщил, что отбирать участников прослушиваний назначают ведущих актеров «Комеди». Это входило в их обязанности в качестве членов театральной компании, владевших долями в ее прибылях. С одной стороны, они должны были с воодушевлением относиться к задаче открывать новые таланты, которые обеспечат в будущем успех всему предприятию, но с другой – их возмущала необходимость выполнять эту обязанность, ведь на самом деле получалось, что прослушивать им приходилось своих потенциальных соперников.

Когда я вступила на сцену и сделала реверанс, капельдинер с нескрываемым ехидством провозгласил:

– Мадемуазель Сара Бернар прочтет басню Лафонтена «Два голубя».

Женщина хохотнула:

– Эта девочка, вероятно, думает, что мы не выросли из школьного возраста, раз решила попотчевать нас такой затасканной басенкой?

Я резко сфокусировала взгляд, узнав ее по голосу. Это была мадам Натали – актриса, которая так заворожала меня в

роли Агриппины. Без роскошного костюма и театрального грима женщина выглядела просто дородной матроной. Ее веселье разделял сидевший рядом широкоплечий мужчина – не кто иной, как актер, игравший сына Агриппины Нерона. Он тоже оказался совсем не таким, как на сцене: тучный, довольно пожилой человек с красным лицом. Внезапно мне открылось, что эти актеры, которые зарабатывали на жизнь, изображая других людей, вовсе не добрые волшебники. Меня потянуло сбежать отсюда, броситься в ноги тетке и молить ее, чтобы она убедила мать согласиться на использование моего приданого для вступления в монастырь. Бессчетное количество раз после просмотра «Британика» я рисовала себе в воображении, как легко и уверенно выступаю на сцене. Чего не представляла, так это того, как будет происходить реальное прослушивание.

Ты считаешь, все так просто – прочла несколько строк, и – вуаля – звучат аплодисменты. Ты сама не понимаешь, к чему стремишься.

В голове всплыла отповедь матери, и я открыла рот:
– Два голубя жили в любви. Один вдруг покинул их дом. Дни тянутся долго в тоске, и долги ночи в разлуке...¹⁵

Послышался протяжный зевок. Член комиссии, мужчина с серебристыми волосами и пронзительными темными глазами, сказал:

¹⁵ Произведение переводилось на русский язык несколько раз. В данном случае использован вариант басни И. А. Крылова.

– Громче, пожалуйста. Мы вас почти не слышим, мадемуазель.

– Едва ли нам это нужно, – встряла мадам Натали, глядя на меня сквозь лорнет. – Мы прекрасно знаем эту историю. Если вы будете просить ее повторить с начала, смею вас заверить, мы проведем здесь весь день в ожидании, пока несчастный голубок вернется к своему супругу.

Нерон загоготал.

Во мне будто вспыхнул расплавленный металл. Насмешки заставили вспомнить жестокость Жюли, ее отказ верить в мою способность добиться в этой жизни большего, чем она. Эти люди профессионалы, они собрались здесь вроде бы для того, чтобы оценить мой талант. Как же можно быть такими бесцеремонными?

Подойдя ближе к краю сцены, я вскинула подбородок.

– Голубь томился по своему другу, как я по своей любви, – громко произнесла я, совершая волнообразные движения руками, чтобы изобразить полет. – Я тоже жду, когда затрепещут крылья, возвещая о сладком возвращении любимого. Он улетел, и мне не отыскать былого счастья на тропах потерянного времени. Любовники, веселые любовники, повторяю это снова и снова: любая разлука слишком длинна. Нет смысла странствовать. Любовь проходит, облетают листья, когда меняет направление ветер¹⁶.

¹⁶ Сара, вместо того чтобы читать басню, излагает ее мораль своими словами от первого лица.

Голос мой затих, и я различила какой-то слабый звук. Может, кто-то из членов комиссии взялся в насмешку читать басню вместе со мной? Но нет, это было мое сдавленное дыхание. Все пятеро судей, включая мадам Натали, смотрели на меня в полном молчании. Я снова сделала реверанс, сказала «спасибо» и увидела, что актеры склонились друг к другу и о чем-то шепчутся.

Я двинулась к выходу, отчаянно желая вернуться к та *petite dame* и Розине, зарыться головой в их юбки и излить в слезах жалобы на свой провал. Меня задержал чей-то голос.

– Мадемуазель Бернар, подождите минуточку, пожалуйста.

Настороженно обернувшись, я увидела у самой сцены седовласого мужчину.

– Я месье Прово, трагедийный актер «Комеди». Вы были впечатляющи. – Он глянул через плечо на остальных и спросил: – Она была впечатляюща? – (Все согласно кивали.) – Принимаем?

Я подумала, что ослышалась, и посмотрела в сторону стола. Нерон сложил на груди руки, мадам Натали протирала краем рукава лорнет, остальные копались в бумагах. Мне все не казалось, что они пребывают под большим впечатлением.

– Вы хотите быть актрисой, я полагаю? – спросил Прово и, когда я кивнула, вздохнул. – Мы считаем, у вас есть задатки певицы. Вас заинтересует музыкальная карьера?

– Нет. Не думаю, что я хорошо пою, – с трудом проговорила я.

Мысль стать певицей никогда не приходила мне в голову, и я решила не цепляться за данную Прово высокую оценку моих способностей.

– Тогда, раз вы не хотите петь, можете выбрать себе главного наставника в актерском мастерстве: меня самого или месье Бовалле. – Он указал на актера, игравшего Нерона. – Помимо выступлений на сцене, мы преподаем в Консерватории, и, могу вас заверить, оба с радостью примем вас под свою опеку.

– Вы, – сразу решила я, хотя и не представляла, лучше ли он, чем Бовалле, и вообще ничего не знала ни об одном из них, но этот человек обратился ко мне с уважением, а Бовалле, похоже, был заодно с мадам Натали, к которой у меня возникла стойкая неприязнь.

– Она выбирает меня, – сообщил Прово комиссии.

Бовалле сдвинул брови:

– Естественно. Вас всегда тянет к *les jeunes filles*¹⁷. Очевидно, они питают ответную склонность к вам.

Мадам Натали фыркнула и стукнула соседа по руке лорнетом, воскликнув:

– Стыдитесь!

Прово снова повернулся ко мне:

– Мы оповестим вас о зачислении с курьером. Поздрав-

¹⁷ Юные девушки (*фр.*).

ляю, мадемуазель Бернар. Добро пожаловать в Консерваторию.

Когда я влетела в комнату отдыха, радостного выражения на моем лице хватило, чтобы мадам Г. и Розина встали. Мне пришлось сдерживать слезы триумфа.

Я сделала это сама и теперь стояла на пути к большой сцене.

Акт II. 1860–1862 годы. Инженю

*Завоевать недостаточно; нужно научиться
обольщать.*

Вольтер

Глава 1

– Мадемуазель Бернар, вы опять забыли слова? Может, объясните нам, каким образом это бесконечное затягивание улучшает ваше исполнительское мастерство?

Прово сделал нетерпеливый жест, а я молча стояла перед ним. Свои слова я вовсе не забыла, просто подыскивала правильный тон для их произнесения. Пока я собиралась с мыслями, чтобы попасть в нужную интонацию, он топнул ногой:

– В этом столетии, пожалуйста. Публика уже закидала вас программками и в возмущении покинула театр. Люди приходят смотреть на вашу игру, а не на пантомиму.

Я начала сбивчиво произносить монолог. Роль была та самая, которую мне не удалось исполнить на прослушивании, – Арикия в «Федре». Я с трудом пыталась поймать эмоцию в сложных фразах, но мой наставник ни во что не ставил мои усилия.

– Как странно это слышать, господин мой, боюсь, я в ло-

вушке сна. Неужели я не сплю? Возможно ли поверить в такую щедрость? Что Бог вложил ее вам в сердце? Вы пожинаяте заслуженную славу! И слава эта правду превзошла. Вы для меня...

– Нет! – Прово стукнул палкой по полу. – Что это такое? – Он прошагал к сцене. – Где vérité¹⁸, печаль и страх, которые переполняют Арикию?

– Но я... я думала, вы хотите, чтобы я произнесла этот пассаж à la mélodie¹⁹.

– À la mélodie! – Он повернулся и сделал несколько шагов к другим студентам. – Я просил мадемуазель Бернар произносить эти строки таким образом?

Никто не ответил – не посмел, все устали на свои колени, не желая становиться жертвами его чудовищной снисходительности, и Прово снова направился к сцене. Мне пришлось бороться с собой, чтобы не отшатнуться от его свирепого взгляда.

– Какова принятая в этом заведении система? Каков стиль, введенный в тысяча семьсот восемьдесят шестом году одним из его основателей, Моле, который передал свой бесценный опыт любимому актеру Наполеона Тальма, и это заложило принципиальные основы для обучения наших будущих учеников, включая вашего идола Рашель?

Сдерживая раздражение – когда ему уже надоест высо-

¹⁸ Правда, реальность (*фр.*).

¹⁹ Нараспев (*фр.*).

копарно напоминать нам священную историю Консерватории? – и желание сообщить, что, если бы Рашель приходилось сносить его постоянные нападки, она никогда ни в чем не преуспела бы, я ответила:

– Chant – говорить нараспев, соблюдая ритм, с подчеркнутой модуляцией; vérité – концентрация на содержании и строфике. Mélorée – по сути соотносится с chant или рецитацией.

– А различия между ними состоят...

– Декламация – это искусство чтения стихов четко, мягко или гневно. Гнев и мягкость противопоставляются четкости, потому что четкость – это атрибут техники и выражается в chant, а мягкость и гнев, будучи атрибутами эмоциональности, относятся к vérité.

Даже Прово не мог обвинить меня в нерадивости. Весь последний год я целиком посвятила оттачиванию мастерства, каждый час каждого дня, а нередко и большую часть ночи. Я стала рабой сцены, вызубривала все роли, не важно, насколько второстепенными они были, и обжигала пальцы об огарки свечей, когда допоздна засиживалась над книгами в своей комнате. Не моя вина в том, что я часто опаздывала. Я жила довольно далеко, а Жюли давала мне деньги на омнибус лишь до или из Консерватории, но никогда в оба конца. Не моя вина, что мне приходилось выбирать пешую прогулку по утрам, а не вечером, дабы не подвергать себя опасности встречи с пьяницами и прочими отбросами общества.

Но месье Прово, знаменитый трагик и главный разбойник «Комеди», к тому же мой личный мучитель, не имел снисхождения к таким мелочам. Он проговорил со злодейской улыбкой:

– Мадемуазель, только что вы проявили себя младенцем у титьки. Можете оторгнуть все, что высосали. Не пора ли вам подумать о том, как использовать свой исключительный талант к запоминанию в применении этих систем к игре на сцене?

Горло у меня перехватило, но я каким-то образом извлекла из него голос и дерзнула ответить:

– Моя цель, очевидно, состоит в том, чтобы вжиться в роль независимо от того, делаю я это à la vérité или à la mélodée?

– Ваша цель в настоящее время, – возразил Прово, – сделать то, чего требую я. – Он стукнул палкой. – Еще раз.

Кулаки у меня невольно сжались, но я подавила гнев и распрямила пальцы.

– Как странно это слышать, господин мой, боюсь, что я в ловушке сна. Неужели я не сплю? Возможно ли поверить в такую щедрость? Что Бог вложил ее вам...

Бамс!

– Вы что, обрываете грушу с дерева?! – рявкнул Прово. – Что вытворяет ваша рука? Имена, ваша наперсница, только что открыла вам свои подозрения насчет страсти Федры к Ипполиту, которого вы обожаете. Это момент проникнутого

ужасом откровения, и сбор спелых фруктов тут ни при чем.

Кто-то из студентов захихикал.

Глаза обожгло слезами.

– Я делала этот жест раньше, и вы говорили...

– Я говорил, что жест опережает речь. Этого вы тоже не учли. Повторите.

Новая попытка. После четвертого удара менторского жезла, каждый из которых сопровождался словесной поркой, я потеряла терпение и, вскинув руки, закричала:

– Не могу!

– Вы не можете? – эхом отозвался Прово, и сидевшие у него за спиной студенты замерли. – Но только что сделали. Именно это я хочу увидеть: ярость. Эти руки, как бельевые веревки, раскинутые в стороны, будто вы молили богов о милости. Мадемуазель Бернар, вы способны на это. И останетесь здесь, пока не сделаете все, как надо. – Не поворачивая головы, он крикнул остальным: – Свободны. Я должен довести этот урок до конца и разобраться с «не могу» этой мадемуазель.

Студенты, перешептываясь, покидали зал, а Прово смотрел на меня в упор. Как только дверь закрылась, он сел, оперся на свой ужасный посох и громко сказал:

– Еще раз.

Из Консерватории я вышла в темноте. Омнибусы до дома уже не ходили. Я так устала, что не чувствовала собственного

тела. Монолог беспрестанно крутился в голове. Еще бы, ведь мне много часов не позволяли прервать его повторение даже для того, чтобы сделать глоток воды.

Чья-то тень скользнула ко мне из-под аркады. Я устало улыбнулась:

– Ты ждал.

Его звали Поль Порель, круглолицый юноша, не особенно красивый, но с дружелюбной улыбкой и копной курчавых каштановых волос. Ему было почти восемнадцать, как и мне, он стал моим единственным другом в Консерватории. Как и я, он занимался в классе Прово.

– Конечно ждал. – Поль закинул на плечо сумку, и я вдруг вспомнила, что, в спешке убегая из класса с разрешения угрюмого Прово, свою забыла в зале. – И шляпу тоже, – с усмешкой сказал Поль, правильно разгадав причину отразившегося на моем лице смятения. – Надеюсь, месье Ненавистник не дал тебе учить дополнительные строчки.

Я закуталась в шаль. Приближалась зима, вечерний воздух покусывал морозцем.

– Этот человек – дьявол. Сколько часов он продержал меня там? И когда я уже буквально валилась с ног от усталости, знаешь, что он мне сказал?

Улыбка Поля стала шире.

– Что?

– Смерил меня взглядом и заявил: «Теперь, мадемуазель, вы будете помнить, что Арикия – роль, которую вам никогда

не следует играть».

Поль прыснул со смеху:

– Он обожает тебя!

Я хмуро глянула на него:

– Он меня ненавидит. Думает, у меня нет таланта. Вечно повторяет, что я тощая как скелет и двигаюсь так же. Ты замечал, как Прово постоянно бросает мне вызов, а потом, когда я делаю ровно то, что он просил...

– Говорит, что ты сделала это неправильно, – завершил фразу Поль. – Помнишь, мы играли для него сцену из «Заиры»?²⁰

При воспоминании о катастрофе, в которую превратилась наша попытка дать новую жизнь сцене из знаменитой трагедии Вольтера о плененной мусульманами рабыне-христианке, меня передернуло. Поль играл султана, а я – рабыню Заиру. Мы репетировали не одну неделю. Потом показали свой этюд Прово, а он с руганью прогнал нас со сцены.

– Еще бы! – Мы пошли к пансиону, где жил Поль, держась под руку, чтобы было теплее. – В той роли я ему тоже не понравилась.

– Он заявил: «Вы, наверное, думаете, будто публика уснула, раз все время поворачиваетесь к ней спиной. Мадемуазель, вы, случайно, не слышите храпа?» – процитировал Поль.

²⁰ «Заира» – пятиактная трагедия Вольтера; впервые поставлена в «Комеди Франсез» в 1732 г.

– «Потому что, если храпа нет, – продолжила я, положив руку на его манжету, – вы должны слушать внимательнее». Я же говорю, он считает меня худшей студенткой в Консерватории.

Поль посерьезнел:

– Ты ошибаешься.

Я выдержала паузу, глядя на него:

– Ошибаюсь? В чем же?

– Он полагает, что ты, вероятно, лучшая. Вот почему насаждает на тебя гораздо больше, чем на всех остальных. Он видит в тебе нечто особенное, отличающее от других.

– Сомневаюсь, – сразу отмахнулась я, хотя комплимент Поля немного согрел меня. – Даже если бы я действительно чем-то выделялась, Прово последним согласился бы с этим.

Несколько кварталов мы прошли в молчании, потом я нерешительно спросила:

– Ты думаешь, я...

Поль кивнул:

– Как и все в нашем классе.

– Тогда почему, кроме тебя, никто со мной не дружит? Большинство девушек и юношей сторонятся меня. Я знаю, они считают, что меня приняли по протекции месье Морни.

– А он оказывал протекцию?

– Он организовал мое прослушивание, это правда. Но мне все равно пришлось его проходить, как и всем остальным. Прово тогда сам сказал, что я его впечатлила. Он и этот лю-

доед Бовалле – они оба хотели, чтобы я стала их ученицей. Надо было выбрать Бовалле. – Я пнула ногой выбитый из мостовой камень. – Может, тот не стал бы бранить меня часами изо дня в день. Если разобраться, Бовалле назвал Прово любителем *les jeunes filles*. Вероятно, это и ставит меня особняком.

– И снова ты не права. Как оказалось, Прово тянет на *les jeunes garçons*²¹.

Я крепче ухватила за руку своего приятеля:

– Ты мне об этом не говорил. Не упоминал, что ты...

Поль со смехом откинул назад голову:

– Нет же, глупая. Я не в его вкусе и вообще не из таких.

Но этот миловидный блондин из нашего класса, Жак Виллет... Ты не замечала, что Прово всегда выбирает его играть пастушков и лепечет, что мягкие запястья Жака выражают достоинство?

– Не замечала, – призналась я.

– Вот в чем твоя проблема. Ты не замечаешь. Редко слушаешь. Все время витаешь где-то мыслями. Вот почему Прово травит тебя. Он считает, у тебя задатки великой актрисы, но одним талантом карьеры не сделаешь. Подготовка и собранность – вот что нужно.

– Ну вот, теперь ты говоришь, как он, – проворчала я.

Мы дошли до пансиона, ветхого здания в бедном районе, населенного студентами и пьяницами. Пока я размышляла

²¹ Молоденькие мальчики (*фр.*).

над словами Поля, он откопал в сумке ключ и сказал:

– Полагаю, ты не замечаешь и того, что у тебя есть еще друзья в Консерватории? По крайней мере один. Некая девушка утверждает, будто знает тебя очень хорошо.

Я вздрогнула:

– Кто?

– Мари Коломбье. – Поль вставил ключ в замок. – Она в классе у Сансона. Ее приняли в этом году. Мари услышала, как кто-то упомянул тебя, и начала рассказывать, что была твоей лучшей подругой в Граншане, и с того момента, как ты вышла на сцену в рождественском спектакле, она знала: тебе суждено стать актрисой. Утверждает, что ты играла роль Товии невероятно убедительно: когда открыла глаза и объявила, что зрение вернулось к тебе, все зрители рыдали.

– Я играла архангела, а не Товию. – Я помолчала. – Ты уверен?

Мы стояли в сумрачном холле пансиона; с потолка на нас хлопьями сыпалась краска.

– Да, уверен. Ты ее знаешь?

– Знала. Мы дружили в монастыре, но мне казалось, она переехала во Фландрию. – Я пошла вслед за Полем по скрипучей лестнице и коридору, не обращая внимания на мышей, сновавших под щелястыми досками пола. – И я играла не Товию.

Поль шикнул на меня. Студентам, снимающим комнаты в пансионе, не позволяли приглашать гостей на ночь, хотя я

уже не раз ночевала здесь, когда было поздно возвращаться домой, делила со своим другом узкую постель и прижималась к нему, чтобы согреться. Если нас поймают, Полю придется уплатить за комнату вдвое. К тому же кто-нибудь мог сообщить о моих похождениях Жюли, которая полагала, что я остаюсь на ночь в квартире у подруг, если вообще удосуживалась заметить мое отсутствие.

Только мы вошли в комнату Поля, где не было ничего, кроме жесткой постели, стула и ломаного стола, я принялась объяснять, как будто это имело чрезвычайно важное значение:

– Мари вместо меня исполнила роль пастушка. Товию играла другая девочка. А та, которую назначили быть архангелом, заболела, и я заняла ее место.

Поль хмыкнул:

– Выходит, твоя подруга Мари – лгунья. И, смею сказать, к тому же немного потаскушка.

– Потаскушка? – Сняв с себя шаль, я забралась в постель и до подбородка натянула побитое молью одеяло. – Почему ты так говоришь? И, Поль, есть у тебя сыр и хлеб? Я ужасно голодная.

Он вытащил из-под кровати тарелку и зажег на столе салютную лампу. Комнату заволокло дымом от горящего прогорклого жира, а мы сидели на кровати, прижавшись друг к другу, и ели черствый хлеб с засохшим сыром – это была моя единственная еда после завтрака.

– Ты сказал, Мари гуляющая? – уточнила я.

– Так про нее говорят. – Поль задумчиво жевал, превращая сухарь в кашу. – Некоторые парни из класса Сансона изображают из себя повес. Сансон набрал себе сынков членов имперского суда, незаконных детишек мелких чиновников и прочих, которые считают, что они лучше остальных. Не буржуа. После занятий Мари ходит с ними в пивную за углом.

– Походы в пивную вряд ли превращают ее в шлюху, – возразила я, удивляясь, как могла не заметить Мари по пути в Консерваторию или домой и почему, рассказывая другим студентам о нашем знакомстве, она сама не подошла ко мне, чтобы возобновить дружбу.

– А походы после этого с парнями на берег реки превращают? – спросил Поль.

Я едва не подавилась хлебом:

– Она и правда это делает?

– Так говорят парни. Я с ней не ходил, так что за правдивость их слов поручиться не могу.

Как на это реагировать? Мари, которую я помнила, была девушкой искушенной в мирских делах. В конце концов, именно она открыла мне глаза на то, чем занимаются наши матери, так что, вполне возможно, слова Поля правдивы. Досадно, что девушек, которые лишились добродетели, все презирают, тогда как от юношей ожидают, что они будут вести разгульную жизнь в доказательство своей возмужалости.

Подумав так, я заявила:

– Весьма негалантно с их стороны хвастаться подобными вещами. Если парень скажет что-нибудь такое обо мне, я ему уши надеру.

– Не сомневаюсь, – хохотнул Поль. – Поэтому они и сторонятся тебя. Сара, ты им очень нравишься. Парни тоже видят в тебе нечто иное, но ты их пугаешь. Тем не менее подзреваю, что большинство из них, если не все, предпочли бы, чтобы на берег реки с ними ходила ты, а не Мари.

– Не будь смешным. – Я снова хотела положить руку на его манжету, но не успела, потому что Поль отодвинулся, лицо его скрылось в тени, и я не могла прочесть, что на нем написано.

– Нет, – сказал он.

Я уставилась на него:

– Что?

– Не делай этого. Не обращай со мной как с братом.

– Но мы друзья. Я часто думаю о тебе как... – Голос мой затих; Поль стал убирать остатки нашей трапезы, избегая моего взгляда, и я спросила: – Ты обо мне того же мнения?

Он покачал головой:

– Я знаю, ты не такая, как Мари Коломбье. И я не сын имперского судьи.

– Но ты думаешь об этом?

Я сама не знала, почему допытывалась. Мое тело, как бы я ни отвергала его потребности, давало о себе знать; я ощу-

щала необъяснимые желания, которые приводили к тайным исследованиям себя в постели. Но быстрые ошупывания захватили меня ненадолго. Это казалось пустой тратой времени, когда нужно было выучить столько новых строк.

Поль посмотрел мне в глаза:

– Конечно думаю. Ты самая удивительная, самая головокружительная девушка из всех, кого я знал, и самая красивая.

Он считает меня красивой? Никто никогда не применял такое прилагательное для описания моей внешности.

– А ты не думаешь об этом? – продолжил Поль. – Не со мной, с кем-нибудь другим? В Консерватории, по-моему, много красивых парней.

– Как Жак Виллет?

– Ты невозможна! – фыркнул Поль.

Не могу сказать, что толкнуло меня на это. Просто порыв, как многое в моей жизни. Я увидела Поля, старательно отводившего взгляд, с оловянной тарелкой в руках, с опущенным круглым лицом, крошками на подбородке... и откинула одеяло:

– Иди сюда.

Он замер:

– Нет, сегодня я буду спать на полу.

Я похлопала рукой по соломенному тюфяку и отодвинулась к стене, ощутив спиной ее холодную влажность.

– Не будешь. Поставь тарелку и ложись в постель. Тут зяб-

ко. Я требую. И задуй лампу, пока мы не задохнулись от дыма.

Выполняя мои распоряжения, Поль двигался рывками, будто потерял контроль над своим телом. Когда он втиснулся на кровать, напряженный, как готовая лопнуть струна, и завожился с одеялом, чтобы накрыться, я положила руку ему на грудь и почувствовала, как быстро колотится у него сердце.

– Это какие-то конные скачки, – прошептала я и провела пальцами ниже, не уверенная в том, что делаю, но, услышав, как Поль задержал дыхание, сообразила: идея правильная.

Он остановил мою руку, прежде чем я дотянулась до мошонки.

– Нет. Ты... ты будешь жалеть об этом. Я никто, сын лавочника. У моей семьи нет ни титула, ни богатств.

– У моей тоже. – Я склонилась над ним, чтобы прикоснуться губами к его губам.

На них остался вкус сыра. Это было приятно. Сыр и хлеб, и его торопливая горячность, которая, как он ни пытался сдерживать ее, набирала силу. Когда он засунул мне в рот язык, я отшатнулась и шепнула:

– Не спеши. Помни, я не такая, как Мари.

Поль, задыхаясь, произнес:

– Сара, ты для меня богиня.

Я едва не рассмеялась, но сдержала себя, смех был бы неуместным. Мы ощупывали друг друга и целовались, делали все те странные вещи, которые совершают новички в люб-

ви. Одежду мы не снимали, лишь приоткрывали тела, ощущая холод на коже, подбираясь к местам, о которых Поль так много думал.

Когда он нерешительно, будто я могла рассыпаться, вошел в меня, держа вес тела на руках и закрыв глаза, его лицо омыло выражение такого блаженства, словно он вступал в настоящий рай. Я ощутила резкую боль, более сильную, чем ожидала. Сжала зубы, побуждая его продолжать, – ну, это казалось единственно верным.

Все закончилось довольно быстро. Я даже удивилась, насколько быстро. Поль выгнулся и застонал, вскрикнул и излился теплом на мое бедро. Потом скатился с меня и упал на спину вверх лицом, тяжело дыша, как будто только что взобрался на гору.

Мы лежали молча, потом я услышала его шепот:

– Сара... Я... Кажется, я люблю тебя.

Глава 2

Вот, значит, что вызвало столько суеты, ради чего рушились королевства, во имя чего императоры бросали своих жен, для воспевания чего бесчисленные поэты извели океаны чернил.

Какой абсурд! Не то чтобы мне не понравилось. Можно придумать и более неприятные способы провести вечер, но это было совсем не то, что я себе представляла. Определенно, близость с мужчиной для меня не шла ни в какое сравнение с лихорадочной страстью к заучиванию ролей, которые я надеялась когда-нибудь исполнить на сцене.

Поль же был одурманен. Он предлагал жениться на мне, хотя я заверила его, что меня полностью устраивают наши отношения такими, какие они есть. Ему это не понравилось. Поль считал, раз я отдала ему свою девственность – мне пришлось замывать пятна на белье в общей уборной в коридоре, – мы должны идти в церковь и давать обеты. Поль беспокоился о моей репутации, хотя в то же время готов был и дальше спать со мной, когда я на это соглашалась, а это случалось реже, чем ему хотелось, так как я не могла отсутствовать дома каждую ночь.

Едва ли это изменило меня, но я была поражена неожиданным открытием: после всех моих возмущенных приговоров, вынесенных матери, и стойкого нежелания быть хоть

в чем-то на нее похожей тот самый презираемый мной акт свелся к мимолетному слиянию плоти и ничуть не походил на насилие или унижение, каким я себе его представляла. Единственным отличием, решила я, было то, что в ее случае мужчина хорошо платил за старания. Сумма, если учесть отсутствие социального статуса состоящей в браке, была, вероятно, больше той, что получают многие замужние дамы за свои труды.

И тем не менее перемены во мне произошли, хотя я не сразу это заметила: разбуженная чувственность просочилась в мою личность, окрасила голос, жесты, так что окружающие стали воспринимать меня иначе. Однажды, после очередного чтения из «Заиры», той самой роли, которой я когда-то снискала крайнее неудовольствие Прово, он буркнул:

– Это было неплохо. Не хорошо, заметьте, и ни по каким параметрам не подходит для демонстрации на сцене, но лучше. Для вас.

Из уст Прово фраза прозвучала как высокая похвала. Я готова была обнять этого грубияна.

А потом я заметила, что другие консерваторские мальчики – для меня они оставались мальчиками, хотя для всех остальных были молодыми людьми – поглядывают на меня, когда я лечу по коридору с набитой до отказа сумкой, с вырвавшимися из-под скреплявших узел шпилек непослушными прядями волос и с перепачканными шоколадом губами: я ела дешевые конфеты, чтобы заглушить голод и сэкономить.

– На что они так таращатся? – спросила я Мари.

Я отыскала ее, как только смогла. Подошла к ней однажды вечером после занятий по этикету, которые вел женоподобный пережиток Второй империи, весь в кружевных оборках и с подкрашенными губами. Мари обрадовалась и поцеловала меня в щеку, будто мы только вчера покинули Граншан. Когда я поддразнила ее тем, что она держит дистанцию, Мари пожала плечами:

– Не хотела навязываться. Все тут, похоже, так очарованы тобой, а я... Ну, никто не считает, что я стану великой актрисой.

– Обо мне тоже никто такого не думает. Мы подруги. Ты не писала мне. Могла бы, по крайней мере, сообщить, что приехала в Париж, не говоря уже о том, что учишься здесь.

– Во Фландрии было скучно, – отозвалась она. – Мать из кожи вон лезла, стремясь доказать всем, какая она хорошая жена, и кажется, с легким сердцем согласилась, чтобы я поехала сюда и попытала счастья.

На мой взгляд, дела у Мари шли неплохо. Она была уверена в себе, и это привлекало к ней всех, даже девушек-соперниц. Благодаря дружбе с Мари и у меня появилось больше приятелей, по крайней мере до сих пор мне так казалось.

– Они пожирают меня глазами, как волки, – проворчала я. – Не пора ли начать кидаться в них камнями, чтобы отогнать?

– Брось в них вместо камней Поля Пореля, – предложила

Мари и показала язык.

Мы шли мимо нескольких мальчиков, и те смело ответили ей, чмокнув губами, как при поцелуе; она вильнула задом, подчеркнуто округлым из-за турнюра.

– Они знают? – Я в ужасе замерла.

Мари весело глянула на меня:

– Сара, ты же не так наивна! Честно говоря, кто заподозрит в тебе такую неопытность, учитывая, чем занимаются наши матери или твоя мать, раз уж моя стала респектабельной матроной? Мужчины всегда знают. Они нюхом чувствуют.

– Чувствуют? Боже мой, что, если...

Моя подружка засмеялась:

– Я сказала – мужчины. Не матери. Не суетись. Уверена, твоя *chère tatan* не подозревает о randеву с Полем. Если бы это было не так, ты бы уже знала. Ничто не приводит куртизанку в большую ярость, чем дочь, отдающая себя задаром.

Меня это не успокоило. И не обрадовало. Я послала Полю записку, отменив наш уговор о встрече вечером, и в тревоге пошла домой. Жюли вела себя как обычно. В последнее время она вообще едва замечала мое присутствие – занималась увеличением квартиры, сносила стены для расширения пространства. Розина обзавелась новым поклонником, который, очевидно, с большой щедростью распоряжался своим богатством. В одной половине квартиры все было перевернуто вверх дном, стояли леса, полы накрыли брезентом. Регина ходила по комнатам и ругалась на рабочих, а Жанна жа-

ловалась, что у нее от обойного клея липкие подошвы. В такой обстановке несколько ночей в неделю, которые я проводила «у подружки», оставались незамеченными.

Я вошла в свою спальню и отколола шляпку, спина болела от тяжести сумки. Внезапно на пороге появилась Жюли.

– Могу я поинтересоваться, где ты была? – спросила она подчеркнуто ледяным тоном.

Я начала вынимать из сумки вещи:

– На занятиях по этикету...

– Ложь! – Она так быстро подошла ко мне, что я не успела уклониться и получила удар; в висках застучало, и я отшатнулась от нее, но тут услышала: – Я точно знаю, где ты была. После всего, через что мне пришлось пройти по твоей милости: унижение, поношение меня и Розины перед нашими поклонниками, нашими друзьями... Потом Морни помогает тебе поступить в самое престижное учебное заведение по драматическому искусству, и чем ты там занимаешься? Играешь в шлюху!

Я подняла на нее глаза:

– Он мне не платит.

– Значит, ты дура. Очень скоро, когда он заделает тебе ребенка, плата потребуется. Те, кто не платит, просто исчезают. Так всегда бывает.

Я предпочла не сообщать ей, что мы предусмотрели это потенциальное затруднение: по нашему взаимному согласию Поль не изливался в меня. Вместо этого, когда Жюли отвер-

нулась, я сказала:

– Может быть, они бросают вас. Но не меня.

У нее застыли плечи.

– Молись лучше, чтобы твои учителя и дальше ставили тебе такие высокие оценки, будто считают тебя вторым воплощением самой Рашель. Потому что, когда ты закончишь обучение, я не дам тебе больше ни су, независимо от того, наймут тебя на работу или нет. Как только учеба закончится, ты будешь предоставлена самой себе. Тогда мы посмотрим, кто кому платит.

Жюли вышла и так сердито хлопнула дверью, что где-то в квартире опрокинулась стремянка.

Издав яростный рык, я отшвырнула сумку, из нее выпалились книги. Они упали на пол, вспорхнули перечерканные страницы, а я опустилась на кровать и закрыла лицо ладонями. Высокие оценки, да уж! Мне нужно достичь большего.

Теперь меня мог спасти только контракт с «Комеди Франсез».

Глава 3

Я сообщила Полю, что нам придется разорвать нашу связь. Он был безутешен, бормотал, что любит и готов ради меня на все. Увы, но я ничего от него не хотела.

– В прошлом году я заняла только второе место в комедии и получила почетное упоминание за трагедию. В этом мы заканчиваем учебу. Я должна быть первой в обоих жанрах, чтобы добиться контракта с «Комеди». Мне очень много нужно выучить, а времени осталось совсем мало.

– Разве Морни не обеспечит тебе контракт?! – со слезами на глазах завопил Поль. – Почему ты должна меня бросать?

Я погасила вспышку ярости:

– Поль, пожалуйста. Мы не Ромео и Джульетта. И я не хочу, чтобы Морни мне что-то обеспечивал. Я хочу получить контракт собственными силами.

Поль был крайне несчастен и избегал меня не одну неделю, тогда как другие мальчики стали проявлять настойчивость: так часто приглашали на кофе с булочками, что я могла бы жить щедротами своих ухажеров, но я всем отказывала. Если я не училась, то спала. Не опаздывала на занятия и терпеливо сносила даже этого хлыща, учившего нас держать осанку, с его кнутом, которым он хлестал меня по плечам...

– Прямо, мадемуазель. Скользите. Вы королева при дворе, а не кляча, которая тянет тележку молочника.

На протяжении оставшегося до последнего экзамена месяца я готовилась без передышки. Прово дал мне разучивать две сложные сцены – в них я могла показать себя с разных сторон, – но сам вдруг тяжело заболел. Его место занял Сансон. Он заявил, что монологи из «Заиры» и «Ученых женщин» Мольера не мое амплуа, и заменил их на сцены из пьес Делавиня «Дочь Сида» и «Школа стариков». Длинные витиеватые строки этих пьес подходили мне еще меньше, но мой новый наставник стоял на своем. К тому же он был одним из тех, кого назначили принимать экзамен. Я не могла его послушаться.

Потом Розина заявила, что мне нужно сделать новую прическу для «Призового дня» – эвфемизм, которым она описала неделю экзаменационной порки, – и произошло это утром в день выступления. Парикмахер долго возился с моими неуправляемыми волосами, приговаривая: «Она выглядит как гаремная рабыня», – и использовал целый арсенал горячих утюжков и расчесок, чтобы согнуть мои космы в толстые спиральные локоны. Жирная помада для укладки взвивавшихся пеной волос испачкала мое новое платье. Когда я прибыла в экзаменационный зал, потная и растрепанная, то выглядела той самой гаремной рабыней, только едва не утонувшей при потопе.

Стоя перед жюри – Сансоном, Бовалле, размахивавшей лорнетом мадам Натали и еще двумя актерами из «Комеди», – я прочла сцену из «Дочери Сида», в горле комом сто-

яли слезы. Я не нагнетала драматизм. Комедийная сцена вышла подлинной комедией, но не из-за моего выступления. Помада высохла и потрескалась, волосы вырвались на волю из заточения и встали дыбом, как будто меня наэлектризовали. Только гордость не позволяла мне сдаться. Мадам Натали поджала губы, Бовалле имел возмущенный вид, Сансон сиял зловещим оскалом.

Как назло, Жюли решила сопровождать меня на экзамен, и ее многозначительная улыбка портила мне настроение всю дорогу домой в экипаже.

– Все пошло не по плану. Скажу Розине, что мы больше никогда не будем нанимать этого парикмахера.

Мадам Г. поджидала меня со своим неизменным ковшиком горячего шоколада. Но на этот раз ее сочувствие было невыносимо. Я закрылась в своей комнате, упала на кровать и сунула голову под подушку. Если бы у меня был фиал с ядом, я бы отравилась.

Через несколько часов, когда сестры легли спать, а Жюли и Розина ушли на вечерние встречи, стук в дверь и послышавшийся следом за ним голос возвестили о появлении мадам Г.:

– Сара, ты не спишь?

Я застонала:

– Хотелось бы мне уснуть. А еще лучше не просыпаться.

Она вошла:

– Ну-ну, все не так плохо.

– Хуже. – Я села; уголки рта мадам Герар опустились – она увидела грязное месиво моих волос. – Никто никогда не наймет меня на работу. Я была ужасна. Я... – Пришлось отразить очередной натиск слез. – У меня нет выбора, придется выходить замуж за этого кошмарного торговца из Лиона. Жюли живо все устроит.

– Тогда она будет крайне разочарована, узнав, что ты получила вот это. – Мадам Г. вынула из кармана юбки конверт. – Письмо доставили сегодня после обеда. Я забрала его у курьера, пока твоя мать не увидела. Учитывая ее отношение, она могла просто сжечь письмо и заявить, что оно вообще не приходило. – Мадам Герар с улыбкой смотрела на меня, а я сидела без движения и боялась взять у нее конверт.

– Что... что там сказано? – прошептала я.

Она вложила письмо мне в руку:

– Прочти сама. Это из «Комеди».

Дрожа, я открыла конверт.

Нам необходимо присутствие мадемуазель Сары Бернар, выпускницы Консерватории и обладательницы главной награды конкурса в жанре комедии среди студентов второго курса, для подписания шестимесячного пенсионерского контракта с ней в «Комеди Франсез» завтра в десять утра.

– Подписано Эдуаром Тьерри, главным администратором «Комеди Франсез». – Я подняла глаза не в силах поверить. –

Они предлагают мне контракт. Я сегодня первый приз в комедии.

Какая ирония! Учитывая мое выступление, именно этого я и заслуживала.

Мадам Г. кивнула:

– Видишь? Все не так ужасно.

Я соскочила с кровати и обняла ее, смеясь и плача одновременно. Как такое могло случиться? Как мне удалось пережить, вероятно, самый катастрофический экзамен за всю историю Консерватории? Но как-то удалось.

У меня появилась призрачная, весьма призрачная надежда на будущее.

Акт III. 1862–1864 годы. Пощечина

*Я обнимаю своего соперника, но только чтобы
задушить его.*

Жан Расин

Глава 1

Платье было из коричневатого, как тушеная капуста, атласа. Розина переделала для меня один из своих старых нарядов: поклонник, давший денег на ремонт нашей квартиры, в изобилии снабдил ее новыми. Чтобы добавить шика облику, она одолжила мне подходящие шляпку и зонтик от солнца, а также свое восьмирессорное ландо с кучером.

Жюли ничего не сказала по поводу моей удачи, но, когда я приготовилась к выходу, сделала нечто совершенно неожиданное. Сняв с пальца кольцо с бирюзой, она протянула его мне с загадочными словами: «Чудеса случаются». Переполненная радостью, я не хотела портить момент, взяла его и поехала в тетушкином ландо в «Комеди Франсез», как императрица.

По прибытии я поскакала вверх по ступенькам, крутя в руках зонтик, и едва не столкнулась с выходящим из здания мужчиной.

Сансон кисло улыбнулся мне:

– Мадемуазель Бернар... Вот так неожиданный сюрприз. – Он поднял взгляд на ландо. – И какой роскошный экипаж. Рад видеть, что вы не слишком страдаете после неудачного экзамена. Вы и правда замечательно быстро оправились. Чему обязаны удовольствием лицезреть вас?

– Я приехала подписать контракт.

Высокомерия у него поубавилось.

– Вы... будете выступать здесь?

Я помахала письмом:

– По приглашению месье Тьерри.

Голос Сансона стал мрачным.

– Ох-ох! У его светлости месье Морни, очевидно, длинные руки. Нам следует ожидать, что одна из ваших сестер в следующем году придет учиться в Консерваторию? – Не успела я ответить, как он добавил: – Желаю удачи. Она вам пригодится. – И пошел вниз.

Моя лучезарная радость обратилась в пепел.

Морни. Это его рук дело. Опять. Значит, он организовал для меня контракт, и теперь я не смогу гордиться тем, что для получения места в театре мне пришлось участвовать в настоящем прослушивании. Тем более что выступление на экзамене было катастрофой, я это понимала. И не важно, досталась мне главная награда или нет, – все равно я сыграла очень плохо.

Я вошла в театр, покручивая на пальце великоватое мне

бирюзовое кольцо Жюли, снедаемая беспокойной мыслью, что помощь с получением контракта не могла быть спонтанным проявлением щедрости со стороны Морни. Каким бы невозможным это ни казалось, но Жюли наверняка сообщила ему о моем провале на экзамене и попросила замолвить за меня словечко. Если так, в ее редко проявляемой доброте содержался едкий укол. А это кольцо? Вероятно, намек: мол, чего бы я ни достигла, все равно остаюсь в долгу перед ней?

Особо раздумывать было некогда. Теперь я инженерю в «Комеди Франсез», самой престижной театральной компании, и должна доказать, что стою этого. Входя в Зеленую комнату главного театра «Комеди», его *foyer des acteurs*²², с пухлыми, обтянутыми бархатом диванами и мягкими кресла под огромной хрустальной люстрой – подарком самого Луи-Филиппа, – я задержалась перед портретами знаменитых актеров, которые блистали на сцене «Комеди». Рашель, полная достоинства, стройная темноглазая красавица, представляла здесь в обессмертившем ее образе величавой мадемуазель де Бель-Иль – эту роль написал для нее мой покровитель Дюма.

– Буду такой же, как вы, – прошептала я. – Дюма сказал, я могу стать сенсацией вроде вас.

Наскоро перекрестившись, я произнесла молитву, ведь Рашель умерла от чахотки три года назад. Эта трагическая утрата потрясла Париж.

– Мадемуазель Бернар, могу я спросить, почему вы бол-

²² Актерское фойе (*фр.*).

таетесь здесь без дела?

Резко развернувшись, я увидела ковылявшего ко мне Прово – он опирался на палку. Так раньше, в классе, наставник налегал на свой посох. Вид у него был изнуренный.

– На вас затратили столько усилий. Негоже заставлять ждать нашего администратора.

– О месье... – Я не могла скрыть облегчения. – Я так рада вас видеть. Я боялась...

– Жив пока, – сухо оборвал меня Прово – Пойдемте. Рашель хотя и прекрасна, слов нет, но контракт за вас не подпишет. – Он окинул взглядом пустую комнату. – Вы одна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.